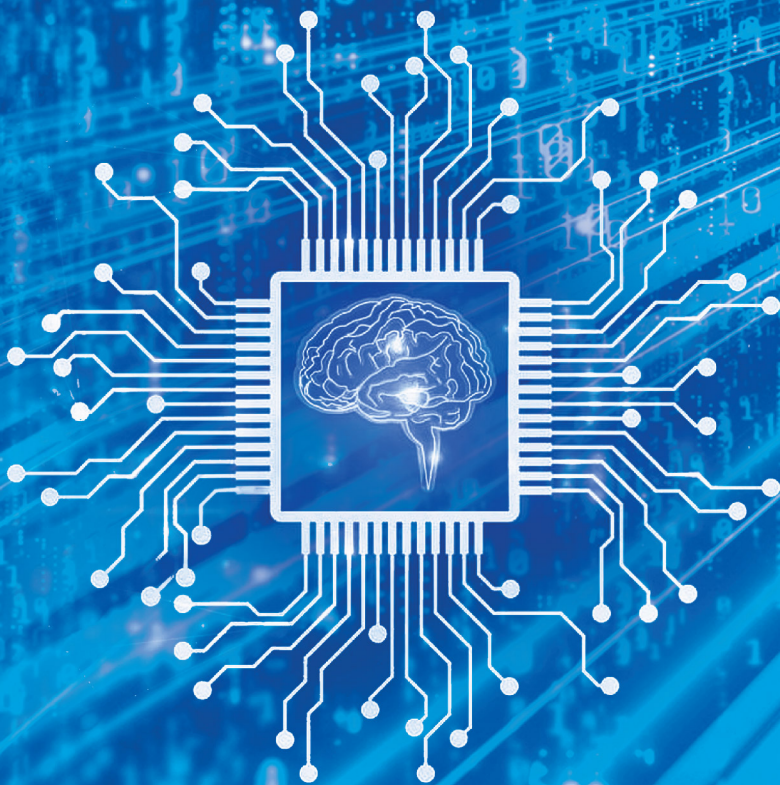

Р. Ю. Колобов, М. Г. Тирских, Р. Ю. Хертуев

ПРАВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Российская академия наук
Сибирское отделение
Иркутский научный центр
Лаборатория правовых исследований высокотехнологичных отраслей производства
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Юридический институт
Правовой институт майнинга и криптовалюты

Р. Ю. Колобов, М. Г. Тирских, Р. Ю. Хертуев

ПРАВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Монография

УДК 34:004.8

ББК 67:32.813

К61

Руководители проекта:

С. И. Шишкин, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

А. В. Иванов, доктор химических наук, профессор

Авторы:

канд. юрид. наук, доц. *Р. Ю. Колобов* (гл. 1)

канд. юрид. наук, доц. *М. Г. Тирских* (гл. 3)

канд. юрид. наук, доц. *Р. Ю. Хертуев* (гл. 2)

Рецензенты:

д-р юрид. наук, доц. *К. Н. Евдокимов*
заместитель министра цифрового развития
и связи Иркутской области *В. А. Лойчиц*

Колобов Р. Ю.

К61

Право и искусственный интеллект : монография /
Р. Ю. Колобов, М. Г. Тирских, Р. Ю. Хертуев. – Иркутск :
Издательство ИГУ, 2024. – 107 с.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2259-6.2024.1-107>

ISBN 978-5-9624-2259-6

Исследуются отдельные аспекты взаимодействия права и искусственного интеллекта. Рассматривается искусственный интеллект в качестве объекта правового регулирования, а также некоторые вопросы применения технологии искусственного интеллекта в отдельных сферах правотворческой и правоприменительной деятельности.

Предназначено для исследователей в области технологий искусственного интеллекта, преподавателей, аспирантов, студентов образовательных организаций высшего образования и всех интересующихся актуальными проблемами правового регулирования цифровых технологий.

УДК 34:004.8

ББК 67:32.813

ISBN 978-5-9624-2259-6

© Р. Ю. Колобов, М. Г. Тирских, Р. Ю. Хертуев

© ИНЦ СО РАН, 2024

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2024

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Искусственный интеллект как объект нормативно-правового регулирования: российский и зарубежный опыт.....	5
Глава 2. Применение технологии искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности органов публичной власти.....	31
Глава 3. Правовое регулирование общественных отношений, связанных с применением автоматизированных (беспилотных) транспортных систем с использованием искусственного интеллекта	52
Заключение.....	84
Список использованной литературы	86
Приложение. Извлечения из Закона ЕС об искусственном интеллекте.....	93

Введение

Человек и компьютер долгое время взаимодействуют друг с другом и уже прошли этап первого знакомства. Предыдущие годы человек поступательно и планомерно познавал компьютерные технологии, а они в ответ – облегчали и улучшали его жизнь. Все это привело к тому, что человек XXI в. уже не мыслит себя без всего того, что основано на компьютерных технологиях: многочисленных систем безопасности в автомобиле, получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде, онлайн-покупок и онлайн-банкинга, видеоконференций и виртуальных помощников, роботов-пылесосов и др. Если до настоящего времени человек исследовал и развивал компьютерные технологии, то с появлением искусственного интеллекта ситуация меняется в обратную сторону: компьютер начинает слушать, понимать и изучать человека. Такой поворот сопровождается необходимостью формулирования новых оснований сосуществования человека и искусственного интеллекта.

Феномен искусственного интеллекта еще не до конца изучен, что создает, с одной стороны, неопределенность и опасения, а с другой стороны, заставляет человека активнее работать и постигать возможности последнего. Бурный рост развития искусственного интеллекта во всех сферах государственной и общественной жизни только актуализирует данную проблематику.

Таким образом, целью настоящей монографии является исследование отдельных вопросов взаимодействия права и искусственного интеллекта. При этом предпринимается попытка не только рассмотреть искусственный интеллект как объект правового регулирования, но и осмыслить возможности последнего по изменению и совершенствованию права как регулятора общественных отношений. Такой подход, по нашему мнению, имеет право на существование и повышает ценность проведения подобных исследований. Результаты данной научной работы могут быть полезны не только для академической науки, но и для лиц, осуществляющих практическую реализацию проектов, основанных на технологии искусственного интеллекта. В монографии содержатся конкретные предложения по использованию искусственного интеллекта при осуществлении правотворческой и правоприменительной работы.

Глава 1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Отправной точкой в развитии современных представлений об искусственном интеллекте (далее также – ИИ) принято считать работу Алана Тьюринга 1950 г., в которой был поднят знаменитый вопрос: «Могут ли машины мыслить?» (Англ.: Can machines think?)¹ В последующие десятилетия исследования в области искусственного интеллекта проходили как периоды повышенного внимания, так и общественного и научного разочарования в перспективности этой тематики².

Сегодня технологии искусственного интеллекта прочно вошли в жизнь человека. Они обнаруживают себя в образовании³, библиотечном деле⁴, различных областях медицины⁵ и обеспечении общественной безопасности. Принципы построения и функционирования современных систем ИИ обладают значительным потенциалом как социально полезного, так и общественно опасного использования. Технологии идентификации личности в реальном времени создают не только риски использования получаемых сведений

¹ Turing A. M. Computing machinery and intelligence // Mind. New Series. 1950. Vol. 59, № 236. P. 433. Первое употребление термина «искусственный интеллект» связывается с Дартмутской конференцией 1956 г., организованной американским ученым Джоном Маккарти. См.: Dean J. A Golden Decade of Deep Learning: Computing Systems & Applications // Daedalus. 2002. Vol. 151, N 2. P. 58.

² Последние принято именовать «зимами», первая из них датируется ранними 70-ми гг. XX в., когда отсутствие практических результатов в исследованиях искусственного интеллекта повлекло за собой сокращение их финансирования. См.: Natale S., Ballatore A. Imagining the thinking machine: Technological myths and the rise of artificial intelligence // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2020. Vol. 26, № 1. P. 12.

³ Xiao M., Yi H. Building an efficient artificial intelligence model for personalized training in colleges and universities // Computer Applications in Engineering Education. 2020. Vol. 29, № 2. P. 350–358.

⁴ Cox A. How artificial intelligence might change academic library work: Applying the competencies literature and the theory of the professions // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2023. Vol. 74, № 3 P. 367–380.

⁵ Application of artificial intelligence in modern medicine / N. Xu, D. Yang, K. Arikawa, C. Bai // Clinical eHealth. 2023. Vol. 6. P. 130–137.

злоумышленниками, но и ощущение постоянной слежки у населения, способное вызвать психологический дискомфорт и напряжение. Анализ потребительского поведения может приводить к манипуляциям при размещении рекламы. Известны случаи написания кодов вредоносных компьютерных программ при помощи систем генеративного искусственного интеллекта.

Описываемые тенденции закономерны, поскольку, как и любой другой инструмент, сами по себе технологии искусственного интеллекта этически и юридически нейтральны. Цели их использования определяют люди, поведение которых подлежит оценке с точки зрения различных социальных регуляторов, и прежде всего – правового регулирования.

Проблематика взаимодействия технологий искусственного интеллекта и права была обозначена достаточно давно, еще в ранний период их развития в 70-х гг. XX в. На том этапе она практически полностью поглощалась исследованиями возможностей использования новых технологий для решения практических задач правоприменения¹. Расширение прикладных способов использования искусственного интеллекта (прежде всего – машинного обучения) обусловило возникновение потребностей по регламентации разнообразных групп общественных отношений, связанных с разработкой, распространением и использованием анализируемого явления (далее также – отношения, связанные с ИИ).

Такая регламентация начала зарождаться, как это часто бывает в современном мире, в сегментах саморегулирования и так называемого мягкого права. Широкое распространение получили различного рода рекомендации этического использования систем искусственного интеллекта, подготавливаемые авторитетными международными организациями², неформальными политическими объединениями³ и

¹ См., например: Rissland E. L. Artificial Intelligence and Law: Stepping Stones to a Model of Legal Reasoning // The Yale Law Journal. 1990. Vol. 99, № 8. P. 1957–1981; McCarty L. T. Artificial Intelligence and Law: How to Get There from Here // Ratio Juris. 1990. Vol. 3, № 2. P. 189–200.

² UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 05.11.2023).

³ Hiroshima Process International Code of Conduct for Organizations Developing Advanced AI Systems. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/99641> (дата обращения: 05.11.2023).

общественными организациями¹. На современном этапе развития как международной нормативной системы, так и национальных правовых систем подобное «накопление» инструментов общественной озабоченности является закономерным этапом перед появлением классических «строгих» инструментов юридического воздействия.

Усилия по формированию юридического *комплексного* нормативно-правового регулирования отношений по созданию и использованию систем искусственного интеллекта сталкиваются с различными препятствиями. К ним относятся столкновение интересов развития науки и обеспечения соблюдения прав человека, сложности в формировании понятийного аппарата нормативных правовых актов и, не в последнюю очередь, – скорость развития соответствующих технологий, предопределяющая оперативность внесения изменений в проекты нормативных актов². Как будет показано далее в настоящем исследовании, в проект европейского регламента об искусственном интеллекте в 2023 г. вносились изменения, обусловленные динамичным развитием больших языковых моделей (прежде всего – проекта ChatGPT).

Разные правовые порядки находятся на разных стадиях создания системы нормативно-правового регулирования рассматриваемых отношений. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации требует формирования сбалансированного и отвечающего вызовам времени законодательства об искусственном интеллекте. Не последнюю роль в достижении этой цели выполняют методы сравнительно-правового исследования. Изучение зарубежного опыта позволяет прогнозировать тенденции развития общественных отношений, выявлять удачные нормативные решения и учитывать риски возникновения негативных социальных явлений.

В настоящем исследовании представлен анализ формирования нормативно-правового регулирования отношений по созданию, использованию и распространению систем искусственного интеллекта на уровне международной нормативной системы в Европейском

¹ См., например: The Asilomar AI Principles. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (дата обращения: 05.11.2023)

² В этой связи необходимо оговориться, что положения всех нормативных актов и их проектов, к которым мы обращаемся в настоящем исследовании, приводятся по состоянию на 5 ноября 2023 г.

союзе и Соединенных Штатах Америки. Важность изучения американского опыта предопределяется, в частности, тем обстоятельством, что, по данным на 2022 г., за шесть предшествующих лет 73 % больших базовых моделей были созданы американскими компаниями¹. Изучение европейского опыта представляет интерес не в последнюю очередь по причине так называемого брюссельского эффекта: принимаемые в Европейском союзе акты имеют тенденцию становиться общемировым стандартом².

Объектом настоящего исследования являются общие закономерности развития нормативно-правового регулирования создания, использования и распространения систем искусственного интеллекта, а *предметом* – практика реализации такого регулирования в международной нормативной системе, Европейском союзе, США и России. *Целью* исследования является выявление направлений совершенствования российского законодательства в рассматриваемой сфере отношений. *Структура* настоящей главы предопределена предметом исследования: вначале будут последовательно рассмотрены международно-правовые и зарубежные нормативные подходы, а затем полученные выводы соотнесены с современным российским состоянием правового регулирования в сфере искусственного интеллекта.

1. Относительно непродолжительное время практической реализации технологий искусственного интеллекта является, пожалуй, основной причиной, по которой на настоящий момент не сложилось инструментов классического «строгого» международного права, посвященных регулированию отношений, связанных с этой технологией. Вместе с тем на протяжении последних лет происходит достаточно активная разработка и принятие актов международного «мягкого» права, посвященного регламентации рассматриваемых

¹ Такие модели являются ключевым элементом в создании современных систем искусственного интеллекта. См.: Hacker P. AI Regulation in Europe: From the AI Act to Future Regulatory Challenges. URL: <https://arxiv.org/pdf/2310.04072.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

² Такой эффект обеспечивается прежде всего привлекательностью европейского рынка и поддерживается разнообразными дополнительными факторами. См.: Bradford A. The Brussels Effect // Northwestern University Law Review. 2012. Vol. 107, № 1. P. 1–68. В дальнейшем перспективным видится и анализ положений других развитых правовых порядков, например Китая, в котором существует практика применения социальных рейтингов, основанных на автоматической обработке данных, в то время как она получается весьма негативные оценки в странах Запада. См.: Arsene S. China's Social Credit System: A Chimera with Real Claws // Asie.Visions. 2019. № 110. P. 1–28.

отношений. Анализ истории развития международной нормативной системы показывает, что, несмотря на свою «мягкость», указанные документы выполняют целый комплекс важнейших функций в общественной жизни. Они обеспечивают международно-правовое регулирование тех сфер общественной жизни, для которых еще не сформировались условия для появления международных договоров. Содержащиеся в них правовые позиции могут отражать передовую практику, выражать озабоченность и стремления международного сообщества, накопление которых впоследствии может привести к появлению источника международного права, а до этого — служить моделью при формировании национального законодательства. По этим причинам представляется необходимым исследовать наиболее важные документы сегмента международного мягкого права, посвященные воздействию на отношения по созданию, использованию и распространению систем искусственного интеллекта.

Активную деятельность по созданию рекомендательных актов в анализируемой сфере общественных отношений ведет ЮНЕСКО. Первым из таких актов является Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта¹.

Содержательная часть Рекомендации начинается с констатации ценностных установок, которыми необходимо руководствоваться при развитии технологий искусственного интеллекта. Их отличительной чертой является антропоцентричность, просматривающаяся в различных разделах документа и находящая наиболее общее выражение в п. 13, признающем непреложное достоинство, присущее каждой человеческой личности.

Принципы деятельности систем искусственного интеллекта, нашедшие закрепление в Рекомендации, также представляют собой наиболее общие идеи, обнаруживающие себя, как будет показано, и при создании национальных нормативных актов. К ним относятся соразмерность и непричинение вреда, безопасность и защищенность, справедливость и отказ от дискриминации, устойчивость, право на неприкосновенность частной жизни и защиту данных, подконтрольность и подчиненность человеку, прозрачность и объяснимость, ответственность и подотчетность, осведомленность и

¹ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 05.11.2023).

грамотность, многостороннее и адаптивное управление и взаимодействие.

В дальнейшем в документе подробно раскрываются одиннадцать предметных областей общественных отношений, в которых государствам рекомендуется в первоочередном порядке реализовывать разнообразные мероприятия. Анализ национальной практики регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом, проведенный далее в настоящем исследовании, показывает, что многие из этих областей действительно находятся в центре общественного обсуждения. К примеру, в десятой предметной области описываются проблемы влияния рассматриваемых новых технологий на рынок труда в плане как подготовки специалистов, так и адаптации к неизбежной потере рабочих мест значительным числом работников по причине переключивания выполняемых ими функций на системы искусственного интеллекта. Эти вопросы станут одними из ключевых тем в американских нормативных актах как на федеральном уровне, так и в законодательстве штатов.

Еще одним документом мягкого международного права в сфере регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом, разработанным в рамках деятельности ЮНЕСКО, является методология (инструмент, англ.: tool) оценки этического воздействия¹. Как указывается в п. 50 Рекомендации, такая методология имеет своей целью выявление последствий применения систем искусственного интеллекта для прав человека и основных свобод, а также, в частности, оценивание этических и социальных эффектов такого применения. Разработанная с учетом передовых стандартов в области оценки воздействия, методология представляет собой действенный инструмент для формирования национального регулирования в сфере создания, использования и распространения систем искусственного интеллекта.

Еще одной международной организацией, оказывающей значительное влияние на развитие нормативного регулирования отношений, связанных с ИИ по всему миру, является Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В 2019 г. Советом Организации были утверждены Рекомендации по искусственному

¹ Ethical impact assessment: a tool of the Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/ethical-impact-assessment-tool-recommendation-ethics-artificial-intelligence> (дата обращения: 05.11.2023).

интеллекту¹, представляющие собой емкое выражение принципов, на которых должно основываться развитие технологий искусственного интеллекта, а также основные направления национальной политики и международного сотрудничества в рассматриваемой сфере. Среди документов ОЭСР, оказывающих влияние на регулирование отношений, связанных с ИИ, в разных странах выделяется также и Рамочная основа для классификации систем искусственного интеллекта², в которой предлагаются общие подходы к пониманию различных видов систем искусственного интеллекта.

Интерес к установлению наиболее общих стандартов в области развития систем искусственного интеллекта проявляет и объединение G7, в рамках которого действует так называемый хиросимский процесс по искусственному интеллекту. В его рамках были подготовлены международные руководящие принципы для организаций, разрабатывающих высокоразвитые (англ.: advanced) системы искусственного интеллекта³, а также основанный на них Международный кодекс поведения⁴. Эти документы также стимулируют использование риск-ориентированного подхода на всех этапах существования систем искусственного интеллекта; обеспечение открытости и прозрачности их построения; внедрение системы контроля обеспечения их безопасности и др.

Проведенный анализ показывает, что процессы формирования юридически обязательных правил регламентирования рассматриваемых отношений в международной нормативной системе еще не начались, однако существующие в ней документы выступают ориентиром и своеобразным «фоном» при выработке национальных подходов.

2. Значительные усилия по созданию правового регулирования отношений, связанных с ИИ, прилагаются в Европейском союзе.

¹ Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 05.11.2023).

² OECD Framework for the classification of AI systems. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/cb6d9eca-en.pdf?expires=1700050221&id=id&accname=guest&checksum=CBDB97D1260010CDDFCB86E18C64C01F> (дата обращения: 05.11.2023).

³ Hiroshima Process International Guiding Principles for Organizations Developing Advanced AI system. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/99643> (дата обращения: 05.11.2023).

⁴ Ibid.

Отдельные аспекты использования систем искусственного интеллекта уже затрагиваются некоторыми актами европейского права. К примеру, Общий регламент по защите данных¹ (англ.: General Data Protection Regulation), принятый в 2018 г., в ряде положений предписывает раскрывать информацию о применении систем автоматизированного принятия решений (ст. 13–15, а также п. 71 преамбулы).

Вместе с тем необходимость создания *комплексного* нормативного правового акта по вопросам искусственного интеллекта в Европейском союзе закреплялась в программных документах разного уровня. В октябре 2017 г. Европейский совет констатировал необходимость принятия срочных мер по регулированию вопросов использования искусственного интеллекта², а в 2018 г. появляется программная позиция Европейской комиссии, известная как «искусственный интеллект для Европы»³. В части определения этических и правовых принципов этот документ прежде всего указывает на необходимость соблюдения основных прав человека, закрепленных в Европейской хартии обеспечения безопасного и ответственного использования систем искусственного интеллекта.

В 2018 г. была созвана экспертная группа высокого уровня по искусственному интеллекту, разработавшая ряд дальнейших программных документов, определивших принципы разработки общего нормативного регулирования. В числе итогов ее работы⁴ особо выделяются Руководящие этические принципы заслуживающего доверия искусственного интеллекта⁵, поддержанные Европейской комиссией в документе «Укрепление доверия к человекоцентричному искусственному интеллекту»⁶.

¹ General Data Protection Regulation. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 05.11.2023).

² European Council meeting (19 October 2017) – Conclusions. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14-2017-INIT/en/pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

³ Artificial Intelligence for Europe. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52018DC0237> (дата обращения: 05.11.2023).

⁴ High-level expert group on artificial intelligence. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/expert-group-ai> (дата обращения: 05.11.2023).

⁵ Ethics Guidelines for Trustworthy AI. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=60419 (дата обращения: 05.11.2023).

⁶ Building Trust in Human-Centric Artificial Intelligence. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=58496 (дата обращения: 05.11.2023).

К числу этих принципов относятся: 1) надзор и контроль человеком; 2) техническая надежность и безопасность; 3) конфиденциальность данных и управления ими; 4) открытость принципов их устройства; 5) разнообразие, недискриминация и объективность; 6) обеспечение общественного и экологического блага; 7) ответственность.

В 2018 г. был принят координированный план, обновленный в 2021 г.¹, а в 2020 г. в соответствии с европейскими нормотворческими подходами была опубликована так называемая Белая книга по вопросам регулирования искусственного интеллекта². В этом документе, в частности, указывалось, что некоторые государства – члены ЕС изучают возможность разработки национального регулирования, в связи с чем появляется опасность фрагментации общего рынка, что обуславливает необходимость формирования общеевропейского подхода к рассматриваемым проблемам³. В обсуждении подходов «белой книги» приняло участие более 1250 заинтересованных лиц, представивших более 450 письменных предложений.

На момент подготовки настоящего исследования основой будущего европейского регулирования по вопросам искусственного интеллекта является проект регламента, именуемый «Акт об искусственном интеллекте» (далее – Акт). Этот документ включает преамбулу, состоящую из 89 пунктов, 85 статей, объединенных в 12 глав, и три приложения. 14 июля 2023 г. Европейский парламент принял многочисленные поправки к Акту⁴, которые будут согласовываться с Европейским советом для формирования окончательной редакции этого нормативного правового акта. По этой причине в настоящем исследовании будет выявлена идеология законопроекта (вне зависимости от того, какие поправки в итоге войдут в окончательный текст), а также выделены наиболее важные правовые конструкции в редакциях Европейской комиссии и Европейского парламента.

¹ Coordinated Plan on Artificial Intelligence 2021 Review. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/75787> (дата обращения: 05.11.2023).

² White Paper on Artificial Intelligence – A European approach to excellence and trust. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2020-02/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

³ Ibid. P. 15.

⁴ Amendments adopted by the European Parliament on 14 June 2023 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts (COM(2021)0206 – C9-0146/2021 – 2021/0106(COD)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0236_EN.html (дата обращения: 05.11.2023).

Анализ любого нормативного акта предполагает установление сферы его действия. В случае с Актом это означает прежде всего определение систем искусственного интеллекта, что представляет собой весьма сложную задачу ввиду как дискуссионности этого вопроса в науке, так и разнообразных проявлений этой технологии. Пункт 6 преамбулы Акта содержит развернутое пояснение о необходимости как обеспечения достаточной степени правовой определенности, так и его гибкости, способной в будущем охватить и иные, на настоящий момент неизвестные виды систем искусственного интеллекта. Определение должно основываться на ключевых функциональных характеристиках программы, в частности возможности генерировать результаты в соответствии с определенными человеком целями. К таким генерируемым результатам могут относиться контент, прогнозирование, рекомендации или решения, которые оказывают влияние на среду, с которой взаимодействует система (независимо от того, физическая она или цифровая). При этом системы искусственного интеллекта могут быть разработаны для функционирования с разной степенью автономности и использоваться как отдельно, так и в составе какого-либо продукта. Определение таких систем должно дополняться перечнем специальных технологий и подходов, используемых для их разработки, которые должны периодически обновляться.

Само определение систем искусственного интеллекта закрепляется в третьей статье Акта (в редакции Европейской комиссии): это программное обеспечение, разработанное с использованием одной или нескольких техник и подходов, перечисленных в прил. 1, и способное давать ответ на определенные человеком цели, генерировать результаты, такие как контент, прогнозирование, рекомендации или решения, влияющие на среды, с которыми они взаимодействуют. В указанном приложении закрепляются подходы машинного обучения, логические подходы и подходы, основанные на знаниях, статистические подходы, байесовские оценки решений, методы поиска и оптимизации.

В редакции 14 июля 2023 г. было предложено иное определение, в соответствии с которым система искусственного интеллекта – это машинная система, разработанная для деятельности с различными уровнями автономности и которая способна в силу явных или подразумеваемых целей генерировать результаты, такие

как прогнозирование, рекомендации, решения, которые оказывают влияние на физические или виртуальные среды.

Оба подхода уже подверглись критике в науке: некоторые технологии, указанные в прил. 1, могут вполне использоваться и в программном обеспечении, имеющем мало общего с современными системами искусственного интеллекта¹.

Подход, предлагаемый в редакции Акта 14 июля 2023 г., необходимо понимать в совокупности с новой редакцией п. 6 преамбулы Акта. В нем число характеристик искусственного интеллекта расширяется за счет обучаемости, а также способности к умозаключениям и моделированию, что позволит отличить их от более простого программного обеспечения. Более подробную трактовку получает и качество автономности. Под ней понимается по крайней мере некоторая степень независимости действия от контроля человека и возможностей функционировать без вмешательства человека. Этот параметр также подвергся критике, поскольку не предполагает определения степени автономности, а также ее ограничения от автоматизированности².

Центральной идеей проекта Акта (независимо от его редакции) является классификация систем искусственного интеллекта. Первую группу составляют запрещенные способы использования искусственного интеллекта. Большинство из них несут в себе угрозу нарушения основных прав и свобод человека. К примеру, не допускается использование систем, воздействующих на подсознание или оценивающих (классифицирующих) благонадежность физических лиц, с использованием социального рейтинга (при выполнении дополнительных условий).

Нельзя не отметить, что перечень запрещенных технологий также стал предметом весьма напряженных дебатов при принятии редакции Акта 14 июля 2023 г. Одним из острых вопросов, как следует из стенограммы дебатов³, стал вопрос о допустимых исключениях из общего запрета осуществления биометрической идентификации для целей поддержания правопорядка. В исходном варианте регламента предлагались три исключения, при которых такая

¹ Hacker P. Op. cit. P. 7.

² Ibid.

³ Verbatim of proceedings. Tuesday, 13 June 2023. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-9-2023-06-13-ITM-008_EN.html (дата обращения: 05.11.2023).

идентификация допускается. К их числу, прежде всего, относится направленный поиск определенных потенциальных жертв преступлений, включая пропавших детей. В июльской редакции Акта общий запрет не предусматривает исключений.

Вторая группа систем искусственного интеллекта подпадает под категорию высокого риска, основу определения которых составляют второе и третье приложения к Акту. К таким системам относится достаточно широкий перечень технологий, к примеру, в сфере образовательных услуг, если они используются с целью решения вопроса о поступлении лиц в образовательное учреждение, в сфере миграции – используемые органами власти системы искусственного интеллекта, такие как полиграфы и схожие с ними инструменты определения эмоционального состояния физических лиц. В области отправления правосудия – системы, созданные для оказания содействия судебной власти в оценке и интерпретации фактов и правовых норм, а также применении их к конкретным фактам.

Согласно исходной редакции Акта к такого рода системам предъявляется набор весьма серьезных требований. Во-первых, это разработка системы управления рисками, которая согласно ст. 9 должна представлять собой продолжающийся повторяющийся процесс, осуществляемый в ходе всего периода функционирования системы. Требования, предъявляемые к такой системе, включают, в частности, выявление и анализ известных и предвидимых рисков, связанных с ее работой, и принятие мер по управлению ими. Сами системы должны проходить обязательные испытания для выявления эффективных мер управления рисками.

Десятой статьей закреплены детализированные требования к обучающимся системам искусственного интеллекта, направленные на объективное и полное наполнение их данными. Внедрение на рынок анализируемых технологий должно сопровождаться разработкой технической документации, объем которой определен прил. 4 к Акту (ст. 11) и обеспечением ведения журнала операций (ст. 12). В отношении таких систем закрепляются требования открытости и предоставления информации пользователям (ст. 13). Отдельно закрепляется и обязанность обеспечения возможности эффективного надзора человеком за системами искусственного интеллекта высокого риска.

Статьей 15 закреплены требования точности, надежности и кибербезопасности. Разработчики систем искусственного интеллекта

высокого риска должны обеспечить внедрение системы управления качеством, которая обеспечивает соблюдение положений Акта, детальные требования к содержанию которой изложены в его ст. 17. Системы искусственного интеллекта высокого риска должны проходить оценку соответствия и регистрироваться в общеевропейской базе данных.

Предлагаемые требования вызвали весьма неоднозначную оценку как в науке, так и среди компаний-разработчиков и пользователей систем искусственного интеллекта. Последние обратились с открытым письмом, в котором выражали озабоченность обременительностью таких нововведений. В науке также отмечалось, что значительная часть продуктов в сфере искусственного интеллекта в Европе разрабатывается субъектами малого и среднего бизнеса, для которых бремя выполнения этих требований может стать непосильным, что вызовет снижение конкурентоспособности Европейского союза в сфере высоких технологий. Более того, выполнение таких требований по отношению к большим базовым моделям представляется малореальным, поскольку количество их возможных применений слишком велико для того, чтобы просчитать все возможные области и особенности их применения¹.

В поправках, предложенных Европейским парламентом, предлагается более тонкая дифференциация технологий высокого риска. Так, в ст. 6 Акта предлагается внести дополнение, согласно которому система искусственного интеллекта, входящая в перечень, утвержденный третьим приложением, будет относиться к системам высокого риска, если она несет значительный риск причинения вреда здоровью, безопасности или основным правам и свободам физических лиц². Критерии определения такого риска должны быть установлены Европейской комиссией.

В исходном варианте Акта отдельно не закреплялись особенности регулирования создания, использования и распространения базовых моделей. Соответственно, к ним предполагалось применять

¹ Hacker P., Engel A., Mauer M. Regulating ChatGPT and other Large Generative AI Models. URL: <https://arxiv.org/pdf/2302.02337.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

² Amendment 234. Proposal for a regulation. Article 6 – paragraph 2. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0236_EN.html (дата обращения: 05.11.2023). Отдельное регулирование в этой поправке получают системы, предназначенные для управления критической инфраструктурой (в сфере дорожного движения, снабжения водой, газом, теплом и электричеством). Для них оценивается возможный вред окружающей среде.

общие правила о системах искусственного интеллекта высокого риска. В поправках 14 июля 2023 г. предложено развернутое регулирование базовых моделей, включающее как их общее определение¹, так и систему обязательств для их разработчиков и пользователей². В нем предпринята попытка учесть специфику базовых моделей, однако и оно подверглось критике в науке. Так, в частности, предлагаемая ст. 28b предполагает внедрение системы управления качеством и оценку разумно предвидимых рисков, несмотря на то, что число возможных вариантов использования таких базовых моделей, как GPT-4, превышает 10 000³.

В отношении систем, которые не подпадают под категорию высокого риска, Актом поощряется развитие подходов саморегулирования. В соответствии с п. 81 преамбулы (к которому на момент подготовки настоящего исследования поправок не представлено) необходимо поощрять разработку кодексов поведения для разработчиков систем искусственного интеллекта, не подпадающих под категорию высокого риска, с целью добровольного применения ими стандартов, предусмотренных для таких технологий, а также для добровольного принятия на себя иных обязательств. Положения ст. 69 Акта закрепляют возможность принятия таких кодексов как отдельными разработчиками, так и их объединениями при содействии Европейской комиссии и государств – участников Союза.

Закрепляемые Актом инструменты поддержки развития инноваций заключаются в установлении возможности создания экспериментальных правовых режимов (так называемых регуляторных песочниц, англ.: sandbox), ориентированных на упрощение разработки систем искусственного интеллекта⁴, а также специальных мерах поддержки малых разработчиков и стартапов. Для последних, в

¹ Amendment 168. Proposal for a regulation. Article 3 – paragraph 1 – point 1 c (new). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0236_EN.html (дата обращения: 05.11.2023).

² Amendment 399. Proposal for a regulation. Article 28 b (new). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0236_EN.html (дата обращения: 05.11.2023).

³ Hacker P. AI Regulation in Europe: From the AI Act to Future Regulatory Challenges. P. 9 URL: <https://arxiv.org/pdf/2310.04072.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

⁴ На момент проведения настоящего исследования ст. 53 Акта, закрепляющая основы установления экспериментальных правовых режимов также предлагается к закреплению в новой редакции. Кроме того, предлагается дополнить Акт достаточно объемной статьей 53 а, определяющей основные параметры таких режимов. См.: Amendment 505. Proposal for a regulation. Article 53 a (new). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0236_EN.html (дата обращения: 05.11.2023).

частности, устанавливается необходимость обеспечения приоритетного доступа к использованию экспериментальных правовых режимов, а также пропорциональное уменьшение платы за проведение оценки соответствия разрабатываемых ими систем искусственного интеллекта (ст. 43).

Актом устанавливаются серьезные меры ответственности за нарушение его положений. В соответствии с предложенными Европейским парламентом поправками штраф за невыполнение положений ст. 5 (внедрение запрещенных систем искусственного интеллекта) наказывается административным штрафом до 40 млн евро, а если нарушитель является юридическим лицом, то до семи процентов мирового оборота, в зависимости от того, какая величина выше¹. А штраф за невыполнение требований к обеспечению управления данными (ст. 10) и непредоставление пользователям информации о системе искусственного интеллекта (ст. 13) влечет наложение административного штрафа до 20 млн евро, а в случае, если нарушитель является юридическим лицом – до четырех процентов мирового оборота, в зависимости от того, какая величина выше².

Развитие технологий искусственного интеллекта поставило перед европейским правовым порядком и задачу адаптации классических юридических конструкций к условиям новой реальности. К ним относится, в частности, возмещение внедоговорного вреда, причиненного использованием систем искусственного интеллекта. Эти вопросы планируется урегулировать принятием специальной директивы, проект которой на момент проведения настоящего исследования также представлен для общественного обсуждения³. В пояснительной записке к проекту директивы отмечается, что работа над текстом шла четыре года и в нее было вовлечено значительное число заинтересованных лиц из разных общественных слоев. В директиве отмечается необходимость поиска баланса между инте-

¹ Amendment 647. Proposal for a regulation. Article 71. paragraph 3. Introductory part. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0236_EN.html (дата обращения: 05.11.2023).

² Amendment 650. Proposal for a regulation. Article 71. paragraph 3a (new). Introductory part. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0236_EN.html (дата обращения: 05.11.2023).

³ См.: 2022/0303(COD) Adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive). URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?reference=2022/0303\(COD\)&l=en](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?reference=2022/0303(COD)&l=en) (дата обращения: 05.11.2023).

рсами потерпевших и бизнеса, занимающегося разработкой и использованием систем искусственного интеллекта. Первые могут испытывать значительные трудности в доказывании причинно-следственных связей в случаях причинения вреда системами искусственного интеллекта. Вторые, в отсутствие единообразного регулирования рассматриваемых вопросов, будут находиться в состоянии неопределенности и необходимости прогнозировать возможность применения различных правил о своей ответственности. Такое положение вещей будет повышать издержки разработчиков и сдерживать развитие инноваций.

Эти причины и обусловили появление проекта директивы, в основу которой положены две идеи. Первая заключается в наделении судов правом обязывать, при наличии ряда условий, разработчиков систем искусственного интеллекта раскрывать доказательства, необходимые для эффективной судебной защиты потерпевших. Вторая выражается в установлении правил о презумпции наличия причинно-следственной связи, в случаях, определенных в ст. 4 проекта директивы. Для разработчиков систем искусственного интеллекта высокого риска устанавливается пять таких случаев (они все связаны с нарушением обязанностей, предусмотренных Актом), для пользователей – две.

3. Регулирование отношений по созданию, использованию и распространению систем искусственного интеллекта в Соединенных Штатах Америки отличается своеобразием. Несмотря на то что в США зарегистрировано значительное число лидеров интернет-индустрии, федеральное комплексное регулирование рассматриваемых отношений на момент проведения настоящего исследования так и не появилось. Законодательство штатов же, как будет показано, не системно и, как правило, касается отдельных узких сфер отношений, связанных с искусственным интеллектом. Такое положение вещей может объясняться как сложившимися традициями существования временных лагов между появлением инноваций и их законодательным регулированием¹, так и намерением государ-

¹ В одном из материалов американской деловой прессы отмечается, что между изобретением новой технологии и появлением законодательного регулирования ее использования редко проходило менее десяти лет. См.: The U. S. Regulates Cars, Radio and TV. When Will It Regulate A.I.? URL: <https://www.nytimes.com/2023/08/24/upshot/artificial-intelligence-regulation.html?searchResultPosition=6> (дата обращения: 05.11.2023).

ственных органов поощрять использование механизмов саморегулирования и различных форм мягкого права. Последние выражаются в появлении многочисленных докладов, рекомендательных актов и «белых книг», наиболее важные из которых будут проанализированы далее в настоящем исследовании.

Появление первых программных документов, посвященных перспективам регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом, обычно связывается с деятельностью администрации Б. Обамы. В 2016 г. был подготовлен доклад «Подготовка к будущему искусственного интеллекта»¹, в котором помимо различных аспектов возможного использования систем искусственного интеллекта в жизни общества содержался и раздел о вариантах его регулирования. В нем закреплялись рекомендации о необходимости взвешивать риски при использовании систем искусственного интеллекта, а также отмечалось и общее мнение участников проведенного при подготовке доклада опроса, согласно которому создание общего комплексного регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом, является преждевременным².

В рассматриваемом разделе доклада выделяются еще две принципиальные позиции, которые будут явно проявлять себя в дальнейшем развитии американских подходов к регулированию отношений в сфере искусственного интеллекта. Во-первых, это необходимость изыскивать способы снижения затрат и устранения административных барьеров при создании регулирования. Во-вторых – это акцент на необходимости обеспечивать необходимый уровень экспертного сопровождения при использовании технологий искусственного интеллекта в отдельных сферах экономики. В частности, большое внимание уделяется вопросам использования систем искусственного интеллекта в трудовых отношениях при отборе персонала. Эта тема затем будет доминировать и в законодательстве некоторых штатов. Другим примером является использование автономных систем транспорта (как автомобильных, так и авиационных)³.

¹ Preparing for the future of artificial intelligence. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/whitehouse_files/microsites/ostp/NSTC/preparing_for_the_future_of_ai.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

² Ibid. P. 17.

³ Ibid. P. 18.

В 2020 г. был принят Закон о национальной инициативе по искусственному интеллекту¹ (англ.: National Artificial Intelligence Act of 2020), носящий в основном организационный характер. Его положения адресованы различным государственным органам, наделяемым разнообразными полномочиями по подготовке исследований и планов развития и использования систем искусственного интеллекта, а прямое регламентирование рассматриваемой группы отношений в нем отсутствует.

В числе новых структур, создаваемых в соответствии с указанным законом, выделяется Национальный консультативный комитет по искусственному интеллекту. Формируемый на идеях широкого экспертного представительства, этот орган осуществляет консультационную поддержку при реализации Инициативы и осуществляет достаточно разноплановую исследовательскую работу².

Обеспечение технического регулирования систем искусственного интеллекта осуществляется, прежде всего, Национальным институтом стандартов и технологии, являющимся подразделением Министерства торговли США. Подготавливаемые им акты, несмотря на их рекомендательный характер, играют значительную роль как нормы не только технического, но и социального регулирования. Среди такого рода документов особо выделяется Общая схема управления рисками в сфере искусственного интеллекта (англ.: Artificial Intelligence Risk Management)³. Задачей этого документа является обеспечение организаций и физических лиц подходами, повышающими доверие к системам искусственного интеллекта, и стимулирование ответственного создания и использования таких систем. Этот документ использует риск-ориентированный подход и предлагает как базовую классификацию рисков, так и способы оценки и управления ими.

Еще одним важным документом, принадлежащим к спектру источников мягкого права, относится «Проект Билля о правах в сфере искусственного интеллекта» (англ.: Blueprint for an AI Bill of

¹ William M. (Mac) Thornberry National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2021. Division E--National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020. URL: [congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6395/text](https://www.congress.gov/bills/116/congress/house/bills/6395/text) (дата обращения: 05.11.2023).

² National Artificial Intelligence Advisory Committee Charter. URL: <https://ai.gov/wp-content/uploads/2023/10/NAIAC-Charter.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

³ Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/NIST.AI.100-1.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

Rights)¹, подготовленный Управлением научно-технической политики Исполнительного офиса Президента США. Этот документ, не обладающий юридической силой, содержит пять принципов, призванных обеспечить соблюдение прав человека при использовании технологий искусственного интеллекта. К ним относятся безопасность и эффективность систем искусственного интеллекта; защита от дискриминации, вызванной применением алгоритмов искусственного интеллекта; обеспечение конфиденциальности данных; обязательность уведомления об использовании систем искусственного интеллекта и объяснения принципов их работы; обеспечение отказа от решения вопроса системой искусственного интеллекта в пользу принятия решения человеком. Анализируемый документ включает в себя глоссарий, объясняющий используемые понятия, а также техническое руководство, в котором содержится детальное объяснение возможных способов реализации каждого из этих принципов.

Центральным нормативным актом на момент подготовки настоящего исследования является, несомненно, исполнительный указ (англ.: executive order) Президента США № 14110². Этот объемный документ выражает позицию администрации Д. Байдена по вопросам определения роли искусственного интеллекта в обществе и особенностям его регулирования. Указ содержит в себе как заявления программно-идеологического характера, на которые должны ориентироваться органы власти, так и чрезвычайно детализированные поручения отдельным таким органам о необходимости разработки нормативных актов, докладов и принятия управленческих решений.

Чрезвычайно казуистичный характер Указа затрудняет обобщение его положений, в связи с чем мы выделим некоторые наиболее важные, на наш взгляд, положения. Так, Министерству торговли предписывается подготовить порядок уведомления о разработке базовых моделей двойного назначения и особо крупных моделей.

Отдельная группа предписаний относится к сокращению рисков, вызванных распространением контента, созданного или

¹ Blueprint for and AI Bill of Rights. Making automated systems work for the american people. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Blueprint-for-an-AI-Bill-of-Rights.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

² Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence> (дата обращения: 05.11.2023).

существенно модифицированного системами генеративного искусственного интеллекта (синтезированного контента). Министру торговли предписывается в срок 240 дней с момента опубликования Указа представить доклад о существующих стандартах, инструментах, методах и практиках выявления синтезированного контента, его маркировки, предотвращения создания материалов сексуального характера с участием детей или интимных фотографий реальных лиц без их согласия и других подобных мерах.

Отдельный раздел Указа занимает описание планируемых мероприятий по привлечению в страну специалистов в области искусственного интеллекта из других стран путем развития программ обучения в сфере математики и инженерных наук.

Обращает на себя внимание и закрепление комплекса положений, направленных на обеспечение социально-экономических прав работников. В частности, министру труда предписывается подготовить доклад, содержащий анализ возможностей государственных органов поддерживать работников, теряющих рабочие места по причине внедрения технологий искусственного интеллекта.

В области обеспечения прав и свобод граждан Генеральному прокурору предписывается в течение года представить доклад об использовании систем искусственного интеллекта в системе уголовного правосудия, включая любое использование при вынесении приговора, помиловании, применении мер предварительного заключения, условно-досрочного освобождения, криминалистических исследований и др.

Таким образом, на момент проведения настоящего исследования в США на уровне федерального законодательства не существует комплексного регулирования создания, использования и распространения систем искусственного интеллекта.

В условиях отсутствия комплексного нормативного акта федерального уровня, отдельные аспекты рассматриваемых отношений становятся предметом регулирования законодательства штатов. Региональное законодательство регламентирует, к примеру, особенности охраны детей от таргетированной рекламы (Коннектикут)¹,

¹ State of Connecticut Substitute Senate Bill No. 1103 Public Act No. 23-16. An Act Concerning Artificial Intelligence, Automated Decision-Making and Personal Data Privacy. URL: https://custom.statenet.com/public/resources.cgi?id=ID:bill:CT2023000S1103&ciq=ncsl&client_md=783378b6b29fa00fdb69672348011c6&mode=current_text (дата обращения: 05.11.2023).

финансовую поддержку программам разработки искусственного интеллекта (Мериленд)¹, уточнение об отсутствии у искусственного интеллекта правосубъектности (Северная Дакота)², создание специализированных консультативных советов для подготовки докладов региональной легислатуре (Техас)³ и др.

В 2021 г. были приняты дополнения в Административный кодекс Нью-Йорка, регулирующие использование систем искусственного интеллекта при принятии решений о трудоустройстве. Этот законопроект должен был вступить в силу 1 января 2023 г., однако возникшая общественная дискуссия и сомнения в его исполнимости обусловили перенос этой даты на июль 2023 г.⁴ Проблематика использования искусственного интеллекта в сфере трудовых отношений (а в особенности – при принятии решений о найме) проявила себя весьма остро за не такое продолжительное по историческим меркам время использования новых алгоритмов. В работах, посвященных процессу найма с использованием анализируемой новой информационной технологии, отмечаются как преимущества, так и риски ее использования. Так, сами работники, принявшие участие в социологическом исследовании, отмечали такие положительные стороны использования систем искусственного интеллекта, как быстрота принятия решения и его объективность⁵, а среди его недостатков – непринятие во внимание нюансов, на которые обращает внимание человек, низкую точность и надежность, незрелость и непрозрачность технологии, проблемы этического и правового характера, а также безопасности личных данных⁶. Большинство принявших участие в исследовании работодателей и профессиональных

¹ HB 622. Maryland House Bill. Industry 4.0 Technology Grant Program. URL: <https://fastdemocracy.com/bill-search/md/2023/bills/MDB00027588/> (дата обращения: 05.11.2023).

² An act to amend and reenact subsection 8 of section 1-01-49 of the North Dakota Century Code, relating to the definition of person; and to declare an emergency. URL: <https://legiscan.com/ND/text/HB1361/2023> (дата обращения: 05.11.2023).

³ An act relating to the creation of the artificial intelligence advisory council. URL: https://custom.statenet.com/public/resources.cgi?id=ID:bill:TX2023000H2060&ciq=ncsl&client_md=7f917a24ed4a10a5df71df259c5b47ef&mode=current_text (дата обращения: 05.11.2023).

⁴ Int 1894-2020. URL: <https://legistar.council.nyc.gov/LegislationDetail.aspx?ID=4344524&GUID=B051915D-A9AC-451E-81F8-6596032FA3F9&Options=ID%7CText%7C&Search=> (дата обращения: 05.11.2023).

⁵ Horodysky P. Applicants' perception of artificial intelligence in the recruitment process // Computer in human behavior reports. Vol. 11. 100303. P. 6.

⁶ Ibid.

агентств по трудоустройству выразили намерение использовать системы искусственного интеллекта в процессе найма, а среди их преимуществ названы эффективность по соотношению цены и качества, содействие найму лучших сотрудников и улучшенная организация процесса отбора кандидатов¹. Вместе с тем большинство из опрошенных (71 %) также отметило такой недостаток систем искусственного интеллекта, как отсутствие «человеческого фактора» (англ.: lack of nuance of human judgment) в оценке².

Одна из основных проблем в использовании систем искусственного интеллекта в принятии решений о трудоустройстве представляет собой обеспечение непредвзятости принимаемых решений. С одной стороны, системы искусственного интеллекта позволяют исключить человеческий фактор, обуславливающий предубеждения конкретного лица, принимающего решение. С другой – результат принятия решения информационной системой зависит от того, каким образом были сформированы ее базы данных (как ее «научили»). Именно этот аспект и стал основным предметом регулирования и последующего общественного обсуждения в Законе Нью-Йорка.

Анализируемый закон вводит понятие «автоматизированный инструмент принятия решений о трудоустройстве» (англ.: automated employment decision tool). Его определение достаточно объемно: под ним понимается любой вычислительный процесс, основанный на машинном обучении, статистическом моделировании, анализе данных или искусственном интеллекте, выдающий упрощенный результат, включая рейтинг, классификацию или рекомендацию и используемый для существенного содействия в принятии решений или устранении произвольного принятия решений, влияющих на физических лиц³.

Правомерное использование указанных автоматизированных инструментов обуславливается выполнением ряда условий, основным из которых является осуществление так называемого аудита

¹ Horodysky P. Recruiter's perception of artificial intelligence (AI)-based tools in recruitment // Computer in human behavior reports. Vol. 10. 100298. P. 7.

² Ibid.

³ При этом в законе специально приводятся примеры инструментария, который не может рассматриваться в качестве инструмента, к нему относятся, к примеру, почтовые фильтры и межсетевые экраны.

пристрастности (англ.: bias audit), ежегодно проводимого независимым специалистом. Результаты такого аудита, как и намерение использовать автоматизированные инструменты, должны предварительно раскрываться работодателем или кадровым агентством.

Закон был весьма неоднозначно воспринят всеми заинтересованными субъектами, в частности, отмечалось, что отсутствуют какие-либо стандарты проведения указанного аудита, что может создать у физических лиц ощущение ложной защищенности¹.

Проведенный анализ показывает, что как на уровне международной нормативной системы, так и в национальных и наднациональных правовых системах регулирование создания, использования и распространения систем искусственного интеллекта находится в начальной стадии. Представляется, что формирование комплексного нормативного акта, посвященного регламентации рассматриваемой группы отношений, должно учитывать складывающиеся мировые и зарубежные тенденции, а также учитывать как успехи, так и сложности и ошибки, уже совершенные в иностранных правовых системах.

4. В российском праве на момент подготовки настоящего исследования отсутствует комплексное законодательное регулирование отношений, связанных с ИИ. Однако отдельные аспекты анализируемой проблематики получают отражение в документах различного характера и юридической силы.

Первую группу нормативных актов составляют программные документы, определяющие общие подходы к регулированию отношений, связанных с искусственным интеллектом. Их смысловым и идеологическим центром является Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия)². Вопросам создания комплексной системы нормативно-правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, посвящается отдельный раздел. Обращает на

¹ См., например.: The Software Alliance Comments on the New York City Department of Consumer and Worker Protection's Revised Proposed Rules Implementing Local Law 144 of 2021 Regarding Automated Employment Decision Tools. URL: <https://www.bsa.org/files/policy-filings/01232023nycetools.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собр. законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

себя внимание то обстоятельство, что указанный раздел начинается с констатации опасности внедрения избыточного регулирования, которое может существенно снизить темпы развития и внедрения технологических решений. Это исходное начало, как было показано, обнаруживает себя и в других правовых порядках и должно в обязательном порядке приниматься во внимание при принятии нормативных актов для обеспечения технологической конкурентоспособности и суверенитета Российской Федерации. Свое развитие указанный принцип находит в различных направлениях, закрепленных в п. 49 Национальной стратегии. Так, предусматривается необходимость создания благоприятных правовых режимов; обеспечение особых условий доступа к данным; обеспечение условий для упрощенного тестирования и внедрения технологических решений; устранение административных барьеров при экспорте продукции и др.

Развитие идей Национальной стратегии содержится в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.¹ (далее – Концепция). В числе важнейших принципов регулирования рассматриваемых отношений закрепляется необходимость использования риск-ориентированных подходов, обеспечение человекоцентричности технологий искусственного интеллекта, оценка последствий их воздействия, необходимость обеспечения соблюдения базовых этических норм и принципов. В рамках проводимого исследования особенно актуальной является констатация необходимости учета как положительного, так и отрицательного международного опыта. Учет транснациональной повестки в развитии систем искусственного интеллекта выражается и в признании потребности избегать формирования так называемого двойного контура регулирования, выражающегося в необходимости соблюдать правила как российского, так и международных рынков.

В концепции также проводится весьма гибкий регулятивный подход, выражающийся, прежде всего, в отказе от формирования единого понятийного аппарата для всех сфер использования систем искусственного интеллекта и признании его относительного и функционального характера. Обеспечение внедрения различных

¹ Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. : утв. расп. Правительства РФ от 19 авг. 2020 г. № 2129-р // Собр. законодательства РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

способов использования систем искусственного интеллекта планируется обеспечивать, в значительной мере, путем создания экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц»). Перспективной представляется закрепляемая в Концепции возможность делегирования принятия отдельных юридически значимых решений искусственному интеллекту. Сфера правосудия, как показано в науке, не остается в стороне от развития искусственного интеллекта, и в ней существует значительный потенциал использования передовых достижений науки¹.

В сравнении с рассмотренными зарубежными аналогами обращает на себя внимание и более четкое определение цели обеспечения технологического суверенитета России в области искусственного интеллекта, а также указание на необходимость внедрения механизмов страхования в качестве инструмента контроля рисков использования систем искусственного интеллекта.

Вторая группа документов представлена стандартами, определяющими особенности построения и функционирования систем искусственного интеллекта. Их разработка является важным элементом в практической реализации таких систем, что констатируется в Перспективной программе стандартизации этой области². За прошедшие два года с момента подготовки настоящего исследования было разработано значительное число государственных стандартов в различных областях использования систем искусственного интеллекта, однако эти вопросы сами по себе относятся к сфере технического, а не правового регулирования.

Третья группа документов представлена зарождающимися актами саморегулирования, формируемыми участниками отношений по развитию технологий искусственного интеллекта. Важность инструментов сорегулирования и саморегулирования закреплена и в одном из принципов, закрепленных в Концепции, который предписывает развивать практику подготовки кодексов (сводов) этических

¹ См., например: Wang N. “Black Box Justice”: Robot Judges and AI-based Judgment Processes in China’s Court System // International Symposium on Technology and Society, Proceedings. 2020. P. 58–65. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9462216> (дата обращения: 05.11.2023).

² Перспективная программа стандартизации по приоритетному направлению «Искусственный интеллект» на период 2021–2024 годы. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/28a4b183b4aee34051e85ddb3da87625/20201222.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

правил создания, использования и распространения технологий искусственного интеллекта. Знаковым событием в российском правовом порядке стала подготовка Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, разработанного под эгидой Альянса в сфере искусственного интеллекта, объединяющего ведущих участников рынка и научных организаций¹.

Наконец, *четвертую группу* источников представляют собой нормативные документы, оформляющие порядок создания и функционирования экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц»). Их нормативной основой выступает Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»². Примером использования такого рода режимов является эксперимент, проводимый в г. Москве. В его рамках происходит создание специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, установленный одноименным законом³.

Как было показано, «регуляторные песочницы» рассматриваются в качестве одного из основных приемов, стимулирующих развитие новых технологий, в том числе и систем искусственного интеллекта. Мы полагаем, что практика их создания вполне может быть распространена и на сибирские регионы, в том числе и на Иркутскую область, обладающую значительным научным и производственным потенциалом для создания и практического внедрения технологий искусственного интеллекта.

¹ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_20_10_1.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

² Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.

³ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

Глава 2

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

За последние годы тематика искусственного интеллекта основательно заполонила научное пространство, причем как по техническим и математическим направлениям, так и по социальным, гуманитарным. С появлением каждой новой разработки, основанной на технологии искусственного интеллекта, актуализируется вопрос о правовых возможностях и основаниях реализации данной разработки. В этом смысле поиск адекватной модели правового регулирования общественных отношений, связанных с применением технологии искусственного интеллекта, является не просто первостепенной задачей, а скорее – вынужденной и необходимой.

Современный концепт государства предполагает, что право выступает «инструментом» или «формой» реализации полномочий органов государственной власти. Государство посредством права регулирует не только то, что оно (государство) может или хочет регулировать, например пенсионное обеспечение, социальную поддержку, налогообложение и т. д., но и то, что оно должно, обязано, принуждено регулировать. Например, государство не может не регулировать вопросы борьбы с организованной преступностью или устранения последствий стихийных бедствий по причине их очевидной общественной значимости и важности. В одном ряду с данными вопросами находится правовая регламентация высокотехнологичных отраслей и сфер общественной жизни. Поэтому правовое регулирование применения технологии искусственного интеллекта – это вынужденная необходимость, игнорирование которой может привести как к частным экономическим, социальным, этическим и прочим проблемам, так и создать глобальные (масштабные) вызовы для всего человечества. В базе данных документированных инцидентов, связанных с использованием систем искусственного интеллекта, содержится информация о гибели людей в результате сбоев в работе беспилотных такси; показе непристойной рекламы, сформированной автоматическими алгоритмами; расовой предвзятости при определении

победителей конкурсов красоты и многих других случаях, поставивших под угрозу жизнь, здоровье и благополучие людей¹.

Поэтому искусственный интеллект должен обрести свое правовое закрепление в качестве одного из объектов правового регулирования в ближайшее время. Вместе с тем специфика искусственного интеллекта такова, что он сам способен менять право, а возможно, навсегда трансформировать его в совершенно новые формы. К числу таких трансформаций профессор Д. А. Пашенцев относит не только внедрение электронных нормативных правовых актов, но и появление принципиально новых регуляторов общественных отношений, не правовых по своей сущности, более того, в отличие от права, не связанных с государством². Однако в рамках настоящей главы попытаемся рассмотреть более конкретное проявление искусственного интеллекта в юридической деятельности – возможности применения технологии искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности органов публичной власти³.

Анализ зарубежной практики подготовки нормативных правовых актов позволяет выявить все более многочисленные случаи использования систем искусственного интеллекта в правотворчестве. К примеру, широкое освещение в средствах массовой информации получило принятие в бразильском городе Порту-Алегри закона, полностью подготовленного с использованием системы ChatGPT⁴. В 2023 г. в Законодательное Собрание штата Массачусетс был внесен законопроект о регулировании генеративных моделей искусственного интеллекта, также подготовленный при помощи указанной программы⁵. Эти случаи показывают, что нормотворческие

¹ AI Incidents Database. URL: <https://incidentdatabase.ai/apps/incidents/> (дата обращения: 15.01.2023).

² Цифровизация правотворчества: поиск новых решений : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залюило, О. А. Иванюк, А. А. Головина. М., 2019. С. 26.

³ Здесь и далее под нормотворчеством будем понимать процесс подготовки, принятия, опубликования и вступления в силу правовых норм, в первую очередь в форме нормативных правовых актов, поскольку более привычный термин «правотворчество» включает в себя не только создание нормативных правовых актов, но и создание индивидуальных правовых актов.

⁴ Brazilian city enacts an ordinance that was secretly written by ChatGPT. URL: <https://apnews.com/article/brazil-artificial-intelligence-porto-alegre-5afd1240afe7b6ac202bb0bbc45e08d4> (дата обращения: 15.01.2024).

⁵ Two elected officials drafted legislation to regulate artificial intelligence technology — with some help from ChatGPT. URL: [bostonglobe.com/2023/01/24/metro/this-state-senator-drafted-legislation-regulate-artificial-intelligence-technology-with-some-help-chatgpt/](https://www.bostonglobe.com/2023/01/24/metro/this-state-senator-drafted-legislation-regulate-artificial-intelligence-technology-with-some-help-chatgpt/) (дата обращения: 15.01.2024).

процессы не могут находиться в стороне от развития информационных технологий, что требует принятия заблаговременных решений в части регламентирования порядка и пределов использования технологий искусственного интеллекта в столь важной сфере общественных отношений.

В современных научных публикациях описано применение технологий искусственного интеллекта и для прогнозирования вероятности принятия нормативного акта представительным органом власти со степенью вероятности 80 %¹. Возможные варианты использования таких технологий также требуют выработки правил как юридического, так и морально-нравственного характера.

Практически в любом учебнике по теории государства и права можно встретить положение, в соответствии с которым механизм правового регулирования начинается со стадии издания (принятия) общеобязательных правил поведения. Последующие стадии механизма правового регулирования сопряжены с действием правовых предписаний и их фактической реализацией. Поэтому во многом от того, насколько качественно была проведена работа по подготовке и принятию нормативного правового акта, будет зависеть конечный итог действия права.

Таким образом, объект настоящего исследования представлен общественными отношениями по разработке, принятию и опубликованию нормативных правовых актов разного уровня, а его предметом выступают юридические формы регламентации использования технологий искусственного интеллекта на разных стадиях создания нормативных правовых актов. Целью исследования является выявление закономерностей развития нормотворческого процесса под влиянием систем искусственного интеллекта. Для достижения данной цели в работе проводится анализ перспективных направлений использования рассматриваемой технологии в сфере нормотворчества.

Основной прием исследования состоит в экстраполяции известных технологий искусственного интеллекта на проблемы, с которыми сталкивается субъект нормотворчества при разработке проектов нормативных правовых актов. Некоторые решения иллюстрируются выявленной зарубежной практикой.

¹ Bari A., Brower W., Davidson C. Using Artificial Intelligence to Predict Legislative Votes in the United States Congress // IEEE 6th International Conference on Big Data Analytics (ICBDA), Xiamen, China, 2021. P. 56–60. DOI: 10.1109/ICBDA51983.2021.9403106.

Несмотря на появление все большего числа случаев применения систем искусственного интеллекта в нормотворческом процессе, на текущий момент наблюдается явный дефицит как юридических, так и междисциплинарных исследований, систематизирующих возможные направления такого использования и определяющих основы их регулирования¹. Эти обстоятельства определяют содержательную новизну проведенного в настоящей главе анализа.

Улучшение нормотворческого процесса повышает качество права как инструмента эффективного воздействия на волю и поведение субъектов. Нормотворчество, как и любая другая сфера человеческой деятельности, может быть оптимизировано и усовершенствовано до определенной степени. Для ответа на вопрос о том, как искусственный интеллект может улучшить процесс нормотворчества, необходимо отметить некоторые особенности последнего:

1. Одним из безусловных достоинств технологии искусственного интеллекта является возможность принятия решений на основе анализа огромного количества накопленных данных (Big data). Ни один человек не может превзойти искусственный интеллект по объему проанализированной информации за единицу времени. Данный факт собственно заставляет человека прибегать к помощи искусственного интеллекта при решении сложных, нетривиальных задач.

В свою очередь, процесс издания (принятия) правовых норм предполагает необходимость учета большого объема различной информации². И чем больше такой информации будет учтено субъектом нормотворчества, тем выше будет качество разработанного нормативного правового акта. Так, при разработке и принятии нормативного правового акта необходимо учитывать:

– характеристику регулируемых общественных отношений (цели и задачи правового регулирования, предмет и объекты правового регулирования, субъектный состав участников, их права и обязанности,

¹ См: Lucke v. J. Fitsilis F., Etscheid J. Using Artificial Intelligence for Legislation - Thinking About and Selecting Realistic Topics // Proceedings of Ongoing Research, Practitioners, Workshops, Posters, and Projects of the International Conference EGOV-CeDEM-ePart 2022. 2022. P. 32.

² Данная информация может содержаться как в правовых актах, так и в положениях юридической науки. Например, положения теории государства и права определяют исходные параметры действия нормативного правового акта во времени, в пространстве и по кругу лиц, а положения юридической техники устанавливают правила наиболее логичного и непротиворечивого изложения текста нормативного правового акта.

вопросы юридической ответственности и иные правовые последствия нарушения правовых предписаний, соотношение регулируемых отношений с иными смежными правоотношениями и т. д.);

- отраслевую принадлежность принимаемого нормативного правового акта¹;

- полноту и достаточность правового регулирования, непротиворечивость и согласованность нормативного правового акта с системой российского законодательства;

- уровень принятия нормативного правового акта (федеральный, региональный, местный, локальный);

- форму нормативного правового акта и компетенцию правотворческого органа на его принятие (законодательный орган, исполнительный орган, иной орган публичной власти);

- положения действующих международных договоров, нормативного массива «советской» эпохи, не утратившего свою юридическую силу;

- необходимость внесения изменений в иные нормативные правовые акты, обусловленных принятием искомого нормативного правового акта и т. д.

Любой принимаемый нормативный правовой акт – это не изолированная единица, существующая сама по себе; это частица (элемент) общей системы, которая должна быть органично встроена (включена, вкраплена) в систему российского законодательства таким образом, чтобы, с одной стороны, не создавалось коллизий и противоречий, а с другой стороны – достигалась цель эффективного правового регулирования.

Чем ниже уровень принятия нормативного правового акта, тем больше требований необходимо учитывать субъекту нормотворчества. Так, если проект федерального закона должен учитывать положения Конституции РФ, международных договоров, решений Конституционного Суда РФ, а также законодательных актов более

¹ Каждая отрасль российского права имеет определенные особенности, влияющие на процесс разработки и принятия нормативных правовых актов. Например, нормативные правовые акты об установлении и введении налогов и сборов вступают в силу не ранее 1 января года, следующего за годом их принятия; законы об установлении уголовной ответственности могут приниматься только в форме внесения изменений в Уголовный кодекс РФ (принятие самостоятельных федеральных законов об уголовной ответственности не допускается).

высокой юридической силы (например, федеральных конституционных законов, кодифицированных законодательных актов), то федеральные подзаконные нормативные правовые акты и в большей степени нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации должны учитывать положения огромного количества нормативных правовых актов более высокой юридической силы.

Более того, сама система законодательства – это огромный массив неоднородной информации¹, который очень подвижен в связи с тем, что законодательство изменяется практически в каждодневном режиме. Поэтому человеку объективно трудно в одной временной точке совместить и соотнести всю необходимую информацию для получения «качественного» нормативного правового акта. Очевидно, что в таких условиях человек нуждается в технологиях, позволяющих анализировать огромный объем информации. С этих позиций значимость и ценность искусственного интеллекта для субъекта нормотворчества очевидны.

2. Еще одним важнейшим направлением использования технологии искусственного интеллекта в юридической практике является генетический, эвристический (не являющийся гарантированно точным или оптимальным, но достаточный для решения поставленной задачи), концептуальный, модельный и (или) иной интеллектуальный поиск по массивам юридической информации, а также обработка искомой и релевантной юридической информации².

Современные поисковые системы давно освоили технологию искусственного интеллекта при осуществлении поиска информации на просторах интернета. Возможности современных поисковых систем вышли за пределы классического поиска по «тексту» или «ключевым словам», они активно используют различные интеллектуальные формы поиска по фотографии, по звуку, по предпочтениям и т. д.

Система законодательства как огромный массив информации также нуждается в механизмах эффективного интеллектуального

¹ Здесь имеются в виду различия не только в форме права (договоры, нормативные правовые акты, судебные акты, включая решения Конституционного Суда РФ), но и различия в нормативных правовых актах по юридической силе, по времени принятия, территории действия и т. д.

² Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 115.

поиска. В настоящее время в Российской Федерации функционируют как неофициальные источники правовой информации (справочные правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс»), так и официальные государственные информационные ресурсы, аккумулирующие в себе официальные тексты нормативных правовых актов и иной правовой информации (официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, интегрированный полнотекстовый банк правовой информации (эталонный банк данных правовой информации) «Законодательство России», федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, федеральный регистр муниципальных нормативных правовых актов, официальные региональные интернет-порталы правовой информации, региональные сетевые издания).

При подготовке нормативного правового акта разработчик должен иметь доступ к актуальной редакции любого нормативного правового акта. Однако на практике аутентичный текст нормативного правового акта можно встретить только в его первоначальной редакции. Все последующие редакции нормативного правового акта – это результат работы справочных правовых систем. Иногда поиск действующей редакции нормативного правового акта (т. е. с учетом всех внесенных в него изменений) как в официальных, так и неофициальных источниках является задачей практически невозможной. Например, не во всех справочных правовых системах можно найти актуальную редакцию подзаконного нормативного правового акта субъекта Российской Федерации или муниципального нормативного правового акта.

Подготовка проекта нормативного правового акта включает в себя как работу с официальным текстом нормативного правового акта, размещенного на официальном государственном ресурсе, так и работу с актуальной редакцией неофициального текста нормативного правового акта, размещенного в справочных правовых системах. К сожалению, официальные государственные ресурсы не могут похвастаться ни эффективным поисковым инструментом, ни возможностью получения доступа к официальной актуальной редакции нормативного правового акта.

Поэтому внедрение интеллектуальных систем поиска правовой информации в официальные государственные ресурсы является необходимым и практически значимым. В условиях кратного увеличения

количества правовой информации представляется важным иметь государственный ресурс, предоставляющий возможность получения официальной действующей редакции нормативного правового акта в режиме реального времени. Такая задача представляется актуальной в свете создания государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса» (ГИС «Нормотворчество»)¹.

3. Искусственный интеллект как система, основанная на строгих математических, статистических, логических, иных подобных алгоритмах и методах, позволяет принимать решения, обладающие крайней степенью объективности и беспристрастности. Данное свойство позволяет применять искусственный интеллект тогда, когда в нормотворческом процессе нужны математическая точность и исключение субъективных ошибок.

В литературе выделяются различные задачи, с которыми искусственный интеллект успешно справляется², однако позволим себе выделить лишь те, которые, по нашему мнению, являются наиболее востребованными и полезными с точки зрения процесса нормотворчества:

- проверка нормативного правового акта на соответствие нормативным правовым актам более высокой юридической силы;
- поиск исчерпывающего перечня нормативных правовых актов, требующих внесения в них изменений в связи с принятием какого-либо нормативного правового акта;
- проверка сквозной нумерации структурных элементов нормативного правового акта (разделов, глав, статей, частей, пунктов, подпунктов и т. д.);

¹ Проект постановления Правительства Российской Федерации «О государственной информационной системе «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса (ГИС «Нормотворчество»)» // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Залоило М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 69; Минбалеев А. В. Процессы трансформации языка правотворчества в условиях цифровизации // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2019. С. 140; Пономаренко А. А. Правотворчество органов государственной власти в условиях цифровизации: цели, задачи и принципы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 3. С. 86–87; Право и инновации: цифровизация, промышленность, экология : монография / Р. Ю. Колобов [и др.]. Иркутск, 2023. С. 37.

- проверка в тексте нормативного правового акта точности и корректности внутренних (к структурным положениям данного нормативного правового акта) и внешних (к иным нормативным правовым актам) отсылок;

- проверка процедуры принятия нормативного правового акта (например, на предмет необходимости проведения обязательных публичных слушаний, общественных обсуждений, соблюдения сроков принятия, подписания, опубликования и т. д.);

- проверка единообразия использования легальных дефиниций и введенных сокращений по тексту нормативного правового акта;

- обеспечение точности воспроизведения какого-либо законоположения в нормативном правовом акте более низкой юридической силы (например, точное воспроизведение положения федерального закона в законе субъекта Российской Федерации);

- формирование официального текста нормативного правового акта с учетом всех внесенных в него изменений;

- проверка заключительных и переходных положений нормативного правового акта;

- проверка соблюдения правил русского языка и т. д.

Большинство из приведенных выше видов работ являются рутинными и техническими, требуют от субъекта нормотворчества во многом математической внимательности, а не созидającego или творческого начала. Ярким примером может послужить разработка и принятие нормативного правового акта в целях его приведения к нормативному правовому акту более высокой юридической силы. В такой работе субъект нормотворчества фактически лишен возможности сформулировать текст нормативного правового акта иным образом, чем это предписано положением нормативного правового акта более высокой юридической силы. Любая иная формулировка нормативного правового акта может расцениваться как формальное несоответствие нормативному правовому акту более высокой юридической силы. В приведенном примере формулирование текста нормативного правового акта подчинено строгим формальным алгоритмам, что способствует применению технических возможностей в данной работе.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. автоматизация рутинных

(повторяющихся) производственных операций¹ является актуальным направлением использования технологий искусственного интеллекта. Поэтому, нам видится, что первоначальное внедрение искусственного интеллекта в сферу нормотворчества должно идти по пути создания полезных «помощников» («ассистентов»), берущих на себя техническую работу по «вычитке» и «вычитке» текста нормативного правового акта.

Потенциал использования технологий искусственного интеллекта для решения рутинных и технических задач достаточно обширен. Так, они могут использоваться для распознавания текста, подготовки протоколов заседаний. Существующие системы могут решать задачи по распознаванию жестов (например, при голосовании²) и голоса говорящего. Широко известны и применяются на настоящий момент технологии подборки определенных материалов в зависимости от интересов пользователя. В научных публикациях уже описано их применение в целях распространения документов членам представительных органов власти в зависимости от их профессиональных и политических интересов³.

Представляется, что системы искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом для обеспечения вовлеченности общественности в нормотворческий процесс. Стабильность и успешность современного государства во многом зависят от существования устойчивого гражданского общества, основанного на идеях причастности каждого гражданина к определению судьбы своего государства. Вместе с тем современное нормотворчество представляет собой сложный процесс, который может отпугнуть неспециалиста, несмотря на то, что его результаты напрямую касаются его жизни. Ведь для того, чтобы выразить свое мнение о содержании какой-либо законодательной инициативы, ее нужно обнаружить на интернет-сайте соответствующего органа, ознакомиться с ее текстом и пакетом сопроводительных документов (которые могут

¹ Пункт 21 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

² Этот вид использования систем искусственного интеллекта связан с распознаванием черт лица голосующего.

³ Positive unlabeled learning for building recommender systems in a parliamentary setting / L. M. Campos, J. M. Fernandez-Luna, Juan F. Huerte, L. Redondo-Exposito // Information Sciences. 2018. Vol. 433–434. P. 221–232.

быть достаточно объемны и изложены с использованием специальных терминов), а также системно изложить собственное мнение в письменном виде. Мы полагаем, что интерактивные системы искусственного интеллекта могли бы значительно упростить выполнение указанных задач. К примеру, на сайте представительного органа власти может быть организовано функционирование текстового и голосового помощника, который сможет находить нормотворческие инициативы, исходя из изложенных языком неспециалиста запросов. Этот же помощник может готовить сжатое и доступно выраженное краткое содержание инициативы, выяснять мнение гражданина и причины его согласия либо несогласия с содержанием такой инициативы, а также предлагать варианты текста обращения в государственный орган в зависимости от указанных причин. Эта же система может производить обобщение поступивших от граждан и организаций предложений и проводить их количественную и качественную оценку.

4. Наконец, еще одна важная особенность искусственного интеллекта, которая имеет широкое практическое значение для процесса подготовки и принятия нормативного правового акта, заключается в способности искусственного интеллекта осуществлять глубокое прогнозирование.

Юридическое прогнозирование – это предвидение будущего состояния правовой системы и ее элементов (отраслей и подотраслей права, правовых институтов, норм права), предполагающее один или несколько альтернативных вариантов развития правового регулирования, а также содержащее расчет эффективности регуляторной политики, анализ и оценку разного рода рисков (правовых, экономических, политических и пр.), которые могут возникнуть в связи с принятием, изменением или отменой тех или иных нормативных правовых актов¹. Прогнозирование эффективности нормативных правовых актов в значительной степени определяется их тщательной подготовкой на стадиях проектирования, обсуждения, рассмотрения, экспертизы, принятия всех правотворческих процедур².

Современные цифровые технологии позволяют проводить такое прогнозирование при помощи специальных компьютерных

¹ Цифровизация правотворчества: поиск новых решений. С. 76.

² Полякова Т. А., Троян Н. А. Формирование научно-правовых подходов к развитию системы применения цифровых технологий в нормотворчестве // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 50.

программ, использовать моделирование, привлекать для составления прогнозов гораздо больший, чем прежде, и даже практически неограниченный объем данных. Все это повышает точность прогнозирования и возможность его использования для развития правотворческой деятельности¹.

Поскольку искусственный интеллект позволяет обрабатывать огромный массив данных, то именно он с большой долей вероятности может спрогнозировать реальный эффект от действия нормативного правового акта. Обработка социологических и статистических данных, количественный анализ, математические способы прогнозирования последствий этих решений, выстраивание цифровых аргументов и алгоритмов, позволяющих выявлять тенденции, скрытые внутри огромных массивов информации, – все это входит в сферу возможных применений искусственного интеллекта².

Таким образом, некоторые возможности искусственного интеллекта, в первую очередь такие, как оперативная обработка и анализ большого объема данных, а также возможность принятия на их основе наиболее верных и релевантных решений, наталкивают на необходимость применения искусственного интеллекта при осуществлении нормотворческой деятельности. Сокращение сроков подготовки проекта нормативного правового акта с одновременным повышением качества нормативных предписаний представляется весьма заманчивым для правотворческого органа.

Однако, несмотря на очевидную востребованность технологии искусственного интеллекта в нормотворчестве, обратим внимание на некоторые проблемы в реализации данного механизма.

Главный недостаток искусственного интеллекта на сегодняшний день заключается в том, что система не способна понять суть вещи. То, что человек делает автоматически и не задумываясь, у искусственного интеллекта требует некоторого количества сложных итераций с не всегда предсказуемым результатом³.

Все мы привыкли к тому, что объективное право является сугубо формальным и обезличенным, в нем царят правила формальной

¹ Пашенцев Д. А., Залоило М. В. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 234.

² Талапина Э. В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Право. 2021. Т. 12, вып. 4. С. 689.

³ Там же. С. 687.

логики, а одним из основных методов толкования права является формально-юридический. Такие изначальные условия способствуют наложению на право строгих алгоритмов искусственного интеллекта. Однако правовая система – это не «бездушная» машина, подчиненная строгим правилам логики, в ней есть место «морали и нравственности», «исключениям из правил», «усмотрению», «оценочным понятиям» и т. д.

Одним из принципов юридической ответственности является принцип неотвратимости, который предполагает, что совершение правонарушения влечет для правонарушителя обязательность наступления неблагоприятных последствий, заложенных в санкции юридической ответственности. Однако Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) исходит из того, что привлечение к дисциплинарной ответственности – это право, а не обязанность работодателя (ст. 192 ТК РФ), т. е. вопрос привлечения к дисциплинарной ответственности находится в области усмотрения работодателя и не всякий дисциплинарный проступок с неотвратимостью породит дисциплинарное взыскание. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) предусматривает возможность назначения административного штрафа менее нижнего предела санкции (ч. 2.2 ст. 4.1 КоАП РФ) или вообще освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ).

Таким образом, российское право содержит многочисленные отступления от строгих формальных правил. Это, в свою очередь, налагает необходимость учета данных особенностей при применении технологии искусственного интеллекта в нормотворчестве. Машинное обучение правовым предписаниям должно учитывать «живую» составляющую права.

В такой ситуации актуализируется вопрос о том, как будут учитываться приоритет общечеловеческих ценностей и система нравственных ориентиров (справедливости, равенства, морали, гуманизма и т. д.) в проектах правовых актов, подготавливаемых с применением искусственного интеллекта¹. По большому счету, приведенные выше положения КоАП РФ и ТК РФ являются частными

¹ Залоило М. В., Гвоздецкий Д. С. Ведомственное нормотворчество: реализация правовых ценностей посредством искусственного интеллекта // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2020. С. 261.

случаями реализации принципов справедливости и гуманизма в российском праве.

Способен ли искусственный интеллект адекватно воспринимать правовые ценности и успешно их реализовать в своей работе? Ответ на этот вопрос во многом будет влиять на широту применения технологии искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности.

При этом отрицательный ответ на данный вопрос не исключает возможности применения искусственного интеллекта в качестве технического «помощника» («ассистента»). Искусственному интеллекту отводится роль «помощника», за ним закрепляется во многом рутинная техническая работа, на нормотворческий орган же ложится созидательная и смысловая часть работы. Даже при таком подходе экономия времени и других ресурсов налицо. Поэтому придание искусственному интеллекту роли технического помощника позволит улучшить качество принимаемых нормативных правовых актов. И только успешная апробация, возможно, в рамках правовых экспериментов, может послужить основанием для наделения искусственного интеллекта более значимыми функциями в нормотворческом процессе.

Для эффективного внедрения искусственного интеллекта в нормотворческий процесс необходимы понятность, логичность, системность правовых предписаний, лежащих в основе разрабатываемого нормативного правового акта.

Если взглянуть на систему российского законодательства, то можно заметить, что оно структурно не унифицировано. Так, например, в Гражданском кодексе РФ, Бюджетном кодексе РФ, Семейном кодексе РФ, Налоговом кодексе РФ, Земельном кодексе РФ, Воздушном кодексе РФ, Кодексе внутреннего водного транспорта РФ, Кодексе торгового мореплавания РФ, Таможенном кодексе Евразийского экономического союза структурный элемент статьи, обозначаемый цифрой с точкой (например, «1.»), именуется пунктом статьи, в остальных же кодексах Российской Федерации данный структурный элемент статьи является частью статьи. При этом в ТК РФ и Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» частью статьи является структурный элемент, выделенный по тексту абзацем. Специфическая нумерация статей существует в КоАП РФ, где первая цифра в номере статьи соответствует номеру

главы КоАП РФ. Если спуститься на уровень подзаконного, регионального или муниципального нормотворчества, то многообразие подходов к структурированию текста нормативного правового акта увеличивается кратно.

Поэтому внедрение в систему российского законодательства технологии искусственного интеллекта требует проведения работы по унификации и стандартизации нормативных правовых актов, приведению их к определенному единообразию в целях реализации возможностей интеллектуального поиска, а также обеспечения корректности обработки информации и отображения результатов.

В этой связи еще раз актуализируется вопрос о создании единого официального государственного ресурса (системы) нормативных правовых актов, позволяющего в автоматическом режиме вносить в нормативные правовые акты правки, предусмотренные принятием «изменяющих» нормативных правовых актов¹. Такие ресурсы могли бы не только предоставлять актуальную редакцию официального нормативного правового акта, но и включать в себя возможности проведения на этом ресурсе действий по подготовке, согласованию, экспертированию, принятию и опубликованию нормативного правового акта.

Однако даже современная унификация и стандартизация текста нормативного правового акта не могут существенно повлиять на понимание искусственным интеллектом содержания правовых предписаний, изложенных на человеческом языке. Связано это с тем, что искусственный интеллект и человек «разговаривают» на разных языках: искусственный интеллект может успешно обрабатывать текстовые документы, исправлять и компилировать их, однако он не может понимать содержание правовых предписаний, изложенных в тексте. Для адекватного понимания необходим механизм перевода с человеческого языка в цифровой код, воспринимаемый компьютером. Эту задачу берет на себя механизм машиночитаемого права, общее представление о котором представлено в Концепции развития технологий машиночитаемого права².

¹ Право и инновации: цифровизация, промышленность, экология. С. 59.

² Концепция развития технологий машиночитаемого права : утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15 декабря 2021 г. № 31 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Машиночитаемое право – это форма выражения правовых норм, позволяющая компьютерным программам распознавать юридический смысл таких норм¹. Концепция машиночитаемого права подразумевает создание единого языка и системы представлений (онтологии) о праве, которые смогут преобразовать формальное описание норм и адаптировать сложные языковые конструкции не только для их понимания людьми, не имеющими юридического образования и, как следствие, не обладающими соответствующими знаниями и навыками, но и для функционирования сложных кибернетических систем, в том числе систем искусственного интеллекта. Правовая информация, записанная на языке алгоритма, без предварительной обработки станет доступной для работы искусственного интеллекта, а также будет понятна пользователю².

Возможность понимания посредством машиночитаемого права содержания правовых предписаний позволяет использовать искусственный интеллект не только в качестве технического помощника, но и создает условия для решения более значимых задач, например, написания законченного варианта текста нормативного правового акта высокой степени готовности. В настоящее время пока нет четких представлений о том, как должно выглядеть право в машиночитаемом формате. Однако смеем предположить, что возможны различные варианты.

Так, возможен «дуалистический» вариант, при котором «бумажной» версии нормативного правового акта будет соответствовать его аутентичная электронная версия в машиночитаемом формате. Также напрашивается некий «гибридный» вариант, при котором нормативный правовой акт в виде электронного файла может адекватно восприниматься как человеком, так и компьютерной программой. Развитие электронных нормативных правовых актов, очевидно, будет осуществляться именно по «гибридному» сценарию. Наконец, не исключается полностью «цифровой» вариант, при котором, возможно, исчезнут традиционные нормативные правовые акты в виде текста на русском языке.

¹ Комин А. В. Применение алгоритмов в юриспруденции // Вестник ЮУрГУ. Серия Право. 2023. Т. 23, № 2. С. 76.

² Липчанская М. А., Привалов С. А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 10. С. 90.

Таким образом, концепция машиночитаемого права ставит под сомнение сам факт дальнейшего существования нормативного правового акта в классическом виде, т. е. официального документа, изложенного текстом на русском языке. Перспектива перехода «бумажного» права в цифровое, возможно, пугает, однако игнорирование данной идеи может нанести гораздо более серьезные последствия технологического отставания в данной сфере.

Еще один важный аспект, на который нельзя не обратить внимание в связи с развитием информационных технологий, представляет собой соблюдение этических стандартов при их использовании и прежде всего – раскрытие информации о таком использовании. Несмотря на относительную молодость рассматриваемых технологий, мировая практика уже позволяет выявить складывающиеся тенденции в этой сфере. Так, подготовленный в штате Массачусетс текст законопроекта содержит прямое указание в своем тексте на то, что он подготовлен с использованием системы ChatGPT¹. Причем, как пояснили авторы законопроекта, эта фраза (так называемый дисклеймер) была подготовлена самой программой².

Приведенный в начале настоящего исследования пример подготовки и принятия нормативного акта в бразильском городе Порту-Алегри интересен тем, что состав представительного органа власти не был поставлен в известность о том, что текст³ подготовлен с использованием системы ChatGPT. Описывая историю разработки текста нормативного акта, его автор Рамиро Розарио рассказал, что ввел запрос из 250 слов и через 15 секунд система сгенерировала текст, который в дальнейшем был с минимальными редакционными изменениями принят Советом города. Обращает на себя внимание и то, что в законопроекте, по словам Р. Розарио, присутствовали содержательно новые неочевидные для него подходы, которые помогли решить проблему снижения затрат граждан на

¹ Bill S.31 URL: <https://malegislature.gov/Bills/193/S31/Senate/Bill/Text> (дата обращения: 15.01.2024).

² Two elected officials drafted legislation to regulate artificial intelligence technology — with some help from ChatGPT. URL: [bostonglobe.com/2023/01/24/metro/this-state-senator-drafted-legislation-regulate-artificial-intelligence-technology-with-some-help-chatgpt/](https://www.bostonglobe.com/2023/01/24/metro/this-state-senator-drafted-legislation-regulate-artificial-intelligence-technology-with-some-help-chatgpt/) (дата обращения: 15.01.2024).

³ EXPOSIÇÃO DE MOTIVOS URL: https://s3.glbimg.com/v1/AUTH_8b29beb0cbe247a296f902be2fe084b6/2023/PLCL_010-23_RAMIRO_ROS%20C3%81RIO_rel%C3%B3gios_DMAE.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

замену украденных счетчиков на воду¹. Председатель Совета Гамильтон Соссмайер оценил ситуацию как опасный и сложный прецедент, отмечая, что, несмотря на отсутствие формальных препятствий для принятия проекта законодательного акта, использование систем искусственного интеллекта для разработки более сложных текстов может представлять собой проблему².

Описанная ситуация, очевидно, требует принятия решений технического и нормативного характера. Первые заключаются в необходимости разработки технологий, позволяющих маркировать и выявлять использование систем искусственного интеллекта при написании текстов. На настоящий момент на российском информационном рынке представлены такого рода программные решения, используемые, в частности, в высших учебных заведениях при проверке текстов квалификационных работ разного уровня.

Вторые представляют собой, прежде всего, разработку правил использования технологий искусственного интеллекта, носящих юридически обязательный характер. В России на настоящий момент отсутствует общее правовое регулирование использования искусственного интеллекта вообще и генеративных моделей в частности. Зарубежная практика подготовки такого рода законов показывает чрезвычайную сложность создания комплексных нормативных актов такого рода, однако, мы полагаем, работа в этом направлении необходима, а последующее принятие такого закона – неизбежно. Одной из составляющих такого закона должны стать правила использования систем искусственного интеллекта органами власти.

Еще одним уровнем закрепления таких правил могут стать регламенты представительных органов власти, в которых необходима конкретизация способов и пределов использования рассматриваемой технологии в нормотворческом процессе.

Наконец, представляется перспективным и включение рассматриваемых правил в кодексы этики, принимаемые в органах власти различного уровня. Установленное нарушение правил использования систем искусственного интеллекта может рассматриваться и в

¹ A Brazilian city passed a law about water meters. ChatGPT wrote it. URL: [washing-tonpost.com/nation/2023/12/04/ai-written-law-porto-alegre-brazil/](https://nypost.com/2023/12/04/ai-written-law-porto-alegre-brazil/) (дата обращения: 15.01.2024).

² Lei escrita por inteligência artificial é aprovada por vereadores em Porto Alegre; 'precedente perigoso', diz presidente da Câmara URL: <https://g1.globo.com/rs/rio-grande-do-sul/noticia/2023/11/29/lei-escrita-por-inteligencia-artificial-e-aprovada-por-vereadores-em-porto-alegre-precedente-perigoso-diz-presidente-da-camara.ghtml>.

плоскости морально-нравственной оценки и в последующем служить основанием для применения мер дисциплинарного характера.

Проблематика контроля за использованием систем искусственного интеллекта в правотворческой деятельности получает отражение и в зарубежных правовых порядках. К примеру, в Палате представителей Конгресса США приняты правила о публичном раскрытии информации об используемых технологиях искусственного интеллекта¹.

Наконец, еще одна проблема, которая обсуждается не только в контексте использования рассматриваемой технологии в правотворчестве, но и в любых иных социально значимых приложениях, состоит в обеспечении ее беспристрастности и непредвзятости. Как отмечается в профильных исследованиях, источниками такой предвзятости могут служить процессы сбора сведений (и обучения модели), строение алгоритма и интерпретация результатов человеком². Первые две причины должны стать предметом более общего законодательного регулирования использования искусственного интеллекта. В частности, представляется плодотворным закрепление классификации применения таких технологий в зависимости от степени риска и развитие системы технических стандартов в этой сфере.

В качестве выводов о возможностях и необходимости использования искусственного интеллекта в нормотворческом процессе позволим себе отметить следующее.

Нужно признать, что в настоящее время многие виды действий осуществляются системами искусственного интеллекта объективно лучше, чем человеком. Это обусловлено возможностями искусственного интеллекта обрабатывать, анализировать и учитывать огромный объем информации, качественно и глубоко прогнозировать каждое принимаемое решение. Кроме того, искусственный интеллект эффективно справляется с рутинной, однообразной и технической работой, что позволяет существенно облегчать некоторые виды человеческой деятельности.

¹ Flash Report: Artificial Intelligence Strategy & Implementation URL: https://cha.house.gov/_cache/files/5/6/56adf230-09bf-486d-acb5-d8fb3c8a0656/E9AAB74454D7F9EDE3B75D350FACB5DF.cha-modernization-ai-flash-report-11-14-23-42-.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

² Ferrara E. Fairness and Bias in Artificial Intelligence: A Brief Survey of Sources, Impacts, and Mitigation Strategies // Sci. 2024. Vol. 6, № 3. P. 2.

С появлением искусственного интеллекта приходит осознание и понимание того, что многие социальные процессы и явления, в том числе право, подчиняются строгим алгоритмам, и поэтому на них могут быть наложены технологии искусственного интеллекта. Человек не может игнорировать объективные возможности искусственного интеллекта, а должен научиться их использовать в своей деятельности. Отсутствие полной и точной информации о возможностях искусственного интеллекта, а также общая неизвестность и страхи тормозят развитие данных технологий.

Поэтому нам представляется, что технологии искусственного интеллекта должны развиваться поступательно, планомерно, взвешенно и обдуманно. В сфере нормотворчества технологии искусственного интеллекта могут эффективно применяться в виде полезных «помощников» («ассистентов»), осуществляющих техническую, однообразную работу, например, по «вычитке» или «вычитке» текста нормативного правового акта.

Нами разделяется идея проведения экспериментов, в том числе правовых, для лучшего понимания и адаптации технологии искусственного интеллекта к общественной жизни. Поэтому только предварительные успешные «испытания» могут послужить основанием расширения использования искусственного интеллекта в праве, в том числе для перехода на машиночитаемые формы права.

Технологию искусственного интеллекта также необходимо внедрять в процесс подготовки, принятия, опубликования, вступления в силу и систематизации нормативных правовых актов. При этом речь идет не только о коммерческих справочных правовых системах, которые, скорее всего, первыми реализуют возможности интеллектуального поиска правовой информации и интеллектуального отображения результатов такого поиска.

В России необходимо создать единую государственную информационную систему (ресурс), которая бы не просто включала в себя официальные тексты нормативных правовых актов, но и обладала такими возможностями, как автоматическая правка текста нормативного правового акта с целью получения актуальной редакции нормативного правового акта, автоматическое выявление необходимости внесения изменений в нормативные правовые акты более низкой юридической силы, выявление коллизий и противоречий между нормативными правовыми актами, синхронизация и автоматизация

вступления в силу различных нормативных правовых актов, выявление расхождений во времени действия нормативных правовых актов, напоминание о необходимости принятия нормативного правового акта (например, в случае истечения срока действия ранее принятого нормативного правового акта или истечения срока, установленного Конституционным Судом РФ, для приведения положения нормативного правового акта в соответствие с данным решением Конституционного Суда РФ) и т. п. В перспективе все нормативные правовые акты, в обязательности – электронные, должны будут разрабатываться и приниматься в данной единой государственной информационной системе (ресурсе).

Полагаем, что данные задачи достижимы в обозримом будущем и позволят качественно улучшить процесс подготовки и принятия нормативных правовых актов.

Глава 3

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ (БЕСПИЛОТНЫХ) ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Одним из наиболее значимых применений искусственного интеллекта в экономике современного общества является использование его в беспилотных транспортных системах, включая все доступные человечеству виды транспорта (водный, воздушный, автомобильный). При этом применение искусственного интеллекта в транспортных системах является вопросом не далекого будущего, а текущего времени. Использование беспилотных летательных аппаратов с автономным (не зависящим от человека) управлением, использование автотранспорта, управляемого кибернетической системой (программой управления, средствами детектирования состояния движения и механизмом передачи команд от управляющей программы автомобилю), не только реализуются как пилотные или экспериментальные программы, но и становятся частью обыденного процесса жизнедеятельности общества, частью экономики.

В настоящее время нас уже не удивляет робот-доставщик, который доставляет груз до адресата, нас не поражает «автопилот» в самолете, нас не тревожит наличие системы круиз-контроля в современных автомобилях, мы спокойно относимся к монорельсовым вагонам, не имеющим водителя. Фактически первые шаги использования искусственного интеллекта (в ограниченных масштабах) в транспортных системах стали применяться более века назад.

Исторически первой разработкой в области автоматизации управления самолетом был автопилот, разработанный американским летчиком Лоуренсом Сперри, который он с успехом продемонстрировал во Франции в 1914 г. Автопилот обеспечивал автоматическое удержание курса полета и стабилизацию крена¹. Безусловно, наличие такого приспособления не приводило к отсутствию человека,

¹ Не позволяй компьютеру думать за себя // Наука и жизнь. 2014. № 7. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles / 24619/> (дата обращения: 15.01.2024).

управляющего самолетом, а лишь на определенной части полета позволяло заменить человека, управляющего транспортным средством, автоматической системой. Однако возможность применения таких систем позволило поставить перед научной и инженерной мыслью вопрос о возможности полномасштабного применения автоматизации в транспортных системах с учетом анализа изменяющейся ситуации. Фактически основной задачей, стоящей перед наукой, стало формирование аналитического модуля, обеспечивающего возможность реагирования беспилотной системой на изменение дорожной ситуации и изменение управления транспортным средством. А осуществление этой задачи требует применения технологий искусственного интеллекта.

Следует учесть, что применение автоматизированных транспортных систем с использованием искусственного интеллекта стало для Российской Федерации уже привычным. В 2023 г. был запущен беспилотный паром, работающий на линии «Морской порт Усть-Луга – морской порт Калининград»¹, в Москве до 2025 г. собираются запустить беспилотные трамваи², беспилотные грузовики «КамАЗ» впервые появились на российских дорогах общего пользования и начали работать на трассе М-11³, не говоря уже о беспилотных летальных аппаратах, ставших нормой в геологоразведке, туризме, связи, журналистике, военном деле, спасательных операциях и т. д. Таким образом, применение искусственного интеллекта в автоматизированных транспортных системах – вопрос даже не будущего, а настоящего времени.

Распространение беспилотного транспорта ставит перед государством и обществом совокупность правовых задач, связанных с обеспечением безопасности и надежности таких транспортных систем, разрешением правовых споров, связанных с причинением вреда в результате использования транспортного средства с элементами искусственного интеллекта и по ряду иных вопросов.

¹ В России впервые запущен беспилотный паром между портами Усть-Луга и Калининграда. URL: <https://ru-bezh.ru/gossektor/news/23/12/20/v-rossii-vpervye-zapushchen-bespilotnyy-parom-mezhdu-portami-ust> (дата обращения: 25.12.2023).

² Беспилотные трамваи планируется запустить в Москве в ближайшие два года. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/938205> (дата обращения: 28.12.2023).

³ Беспилотные грузовики запущены по трассе М-11 из Санкт-Петербурга в Москву. URL: <https://iz.ru/1528079/2023-06-14/bespilotnye-gruzoviki-zapushcheny-po-trasse-m-11-iz-sankt-peterburga-v-moskvu> (дата обращения: 25.12.2023).

Отсутствие полноценного правового регулирования данных вопросов, а также активное использование систем искусственного интеллекта в автономных транспортных системах послужило основанием возникновения в последние годы широкой дискуссии по вопросам правового регулирования указанных общественных отношений.

1. Правовое регулирование общественных отношений, связанных с использованием автономных транспортных систем с искусственным интеллектом в Российской Федерации

Российская Федерация, столкнувшись с тем, что научно-технический прогресс приводит к тому, что в жизни общества появляется все больше случаев использования беспилотных транспортных систем с искусственным интеллектом, начала деятельность по установлению регулирования таких общественных отношений.

Вообще в законодательстве Российской Федерации нет формального запрета на использование беспилотного транспортного средства. Однако в отдельных нормативных правовых актах устанавливается особое легальное определение беспилотных транспортных средств.

Так, в ст. 8 Воздушного кодекса РФ дано определение беспилотных авиационных систем. Беспилотные авиационные системы и (или) их элементы, за исключением беспилотных авиационных систем и (или) их элементов, включающих в себя беспилотные гражданские воздушные суда, на которые сертификат летной годности выдается на основании сертификата типа или акта оценки конкретного воздушного судна на его соответствие требованиям к летной годности гражданских воздушных судов и требованиям в области охраны окружающей среды от воздействия деятельности в области авиации, а также беспилотных авиационных систем и (или) их элементов, включающих беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлетной массой 30 килограммов и менее¹.

При этом отмечается, что действие таких требований может быть изменено или исключено в отношении участников экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в соответствии с программой экспериментального правового режима в

¹ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

сфере цифровых инноваций, утверждаемой в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹.

Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»² вообще не определяет понятие транспорта в зависимости от того, как он управляется. В ст. 2 данного нормативного правового акта установлено, что специализированное транспортное средство – транспортное средство, предназначенное и оборудованное для перевозки определенных видов грузов. При этом требования к транспортным средствам определены подзаконными нормативными правовыми актами, в частности Постановлением Правительства РФ от 1 октября 2020 г. № 1586 «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом», где под транспортным средством вообще понимается легковое такси – транспортное средство категории «М1», используемое для перевозок пассажиров и багажа в соответствии с публичным договором фрахтования.

Таким образом, хотя в отдельных нормативных правовых актах, регулирующих транспортную деятельность, предпринимается попытка обозначить факт наличия беспилотных транспортных систем с искусственным интеллектом, какое-либо правовое регулирование отношений с ним практически не осуществляется.

Существенным образом изменило положение дел принятие Постановления Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»³. Постановление определяет совокупность субъектов Российской Федерации, на территории которых может быть

¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.

² Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта : федер. закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2007. № 46. Ст. 5555.

³ О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств : постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 // Собр. законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. 6). Ст. 7619.

проведен эксперимент по внедрению эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных (фактически беспилотных) транспортных средств. В число таких регионов вошли территории г. Москвы и Республики Татарстан, Владимирской, Ленинградской, Московской, Нижегородской, Новгородской и Самарской областей, Чувашской Республики, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Краснодарского края и г. Санкт-Петербурга.

Постановление ввело ряд терминов, имеющих важное значение для правового регулирования использования беспилотных транспортных систем. В частности, был определен «автоматизированный режим управления», под которым понимается режим, при котором управление транспортным средством осуществляется автоматизированной системой вождения. «Автоматизированная система вождения», в свою очередь, — это программно-аппаратные средства, осуществляющие управление транспортным средством без физического воздействия со стороны водителя, с возможностью автоматического отключения при воздействии водителя на органы управления для перехода в режим ручного управления при необходимости, в том числе для предотвращения дорожно-транспортного происшествия.

Таким образом, важным аспектом регулирования является то, что автономный режим управления транспортным средством может и должен переводиться в режим управления человеком. Более того, эксплуатационный режим использования предусматривает необходимость присутствия человека, который в случае чрезвычайной ситуации мог бы взять на себя управление транспортным средством.

Под высокоавтоматизированным транспортным средством в контексте данного постановления понимается транспортное средство, выпущенное в обращение на территории Евразийского экономического союза, допущенное к участию в дорожном движении на территории Российской Федерации, в конструкцию которого внесены изменения, связанные с его оснащением автоматизированной системой вождения, и не подлежащее отчуждению в период проведения эксперимента.

Целями и задачами эксперимента, согласно постановлению, являются: апробация движения высокоавтоматизированного транспортного средства в автоматизированном режиме управления по автомобильным дорогам общего пользования; определение фактических

значений качественных и количественных характеристик автоматизированной системы вождения; определение фактической эффективности работы автоматизированной системы вождения; подтверждение возможности эксплуатации высокоавтоматизированного транспортного средства на автомобильных дорогах общего пользования в автоматизированном режиме управления; выработка технических требований к автоматизированной системе вождения для разработки технических регламентов и документов по стандартизации.

Участниками эксперимента определены Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство внутренних дел РФ, собственник высокоавтоматизированного транспортного средства, испытательная лаборатория.

Законодательством установлены права и обязанности участников такого эксперимента. Министерство промышленности и торговли РФ утверждает состав и порядок представления собственником высокоавтоматизированного транспортного средства отчетности в испытательную лабораторию в ходе проведения эксперимента и по его итогам.

Испытательная лаборатория ежемесячно представляет в Министерство внутренних дел РФ и Министерство промышленности и торговли РФ информацию о количестве заявок, поступивших от заявителей, и количестве выданных заключений о соответствии транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности; формирует предложения по составу требований безопасности к высокоавтоматизированным транспортным средствам, разработке методов испытаний высокоавтоматизированных транспортных средств на основании результатов эксперимента и направляет их в Министерство промышленности и торговли РФ; проводит испытания высокоавтоматизированных транспортных средств; оценивает транспортное средство с внесенными в его конструкцию изменениями на соответствие требованиям безопасности с выдачей или отказом в выдаче заключения о соответствии высокоавтоматизированного транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности.

Собственник высокоавтоматизированного транспортного средства утверждает программу опытной эксплуатации; ведет протокол проведения опытной эксплуатации; осуществляет опытную эксплуатацию; представляет информацию о результатах опытной эксплуатации в испытательную лабораторию.

Кроме того, в качестве обязанности заявителя эксперимента (собственника транспортного средства) до дня подачи заявки на получение в отношении высокоавтоматизированного транспортного средства заключения о соответствии транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности предусматривается обязанность застраховать и поддерживать застрахованным в период проведения опытной эксплуатации риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц в пользу третьих лиц на сумму 10 млн руб. в отношении каждого высокоавтоматизированного транспортного средства. Такой страховой механизм оправдан повышенным риском опасности, связанным с угрозами применения транспортного средства, которое не имеет общепринятой фиксации режима безопасности эксплуатации.

Для участия в эксперименте собственник высокоавтоматизированного транспортного средства представляет в испытательную лабораторию заявку на получение в отношении высокоавтоматизированного транспортного средства заключения о соответствии транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности, в которой указываются: субъект Российской Федерации, на территории которого планируется проведение опытной эксплуатации; перечень высокоавтоматизированных транспортных средств, опытную эксплуатацию которых планируется осуществлять (с указанием марки, модели, государственного регистрационного знака транспортного средства); информация о водителях высокоавтоматизированных транспортных средств, подтверждающая их соответствие требованиям законодательства.

Высокоавтоматизированное транспортное средство отбирается из партии высокоавтоматизированных транспортных средств испытательной лабораторией случайным образом для проведения оценки соответствия транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности. При этом к заявке на получение в отношении высокоавтоматизированного транспортного средства заключения о соответствии транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности прилагаются: специальная декларация; руководство водителя высокоавтоматизированного транспортного средства по работе с автоматизированной системой вождения; программа

опытной эксплуатации; документы, подтверждающие исполнение заявителем требования положения, выписка из Единого государственного реестра юридических лиц, выданная не позднее 30 дней со дня подачи заявки; декларация, подписанная уполномоченным лицом заявителя о соответствии водителей, которые будут принимать участие в эксперименте, требованиям законодательства; видеоматериалы, подтверждающие проведение заявителем тестирования работы высокоавтоматизированного транспортного средства в автономном режиме на территории полигона; декларацию о неизменности конструкции – в случае, если эксперимент планируется осуществлять в отношении партии высокоавтоматизированных транспортных средств.

Количество и состав документов показывают стремление государства строго зафиксировать фактическое и неизменное состояние автономных транспортных систем.

Испытательная лаборатория в течение 45 дней со дня получения документов и материалов проводит их оценку на предмет соответствия требованиям законодательства, проводит оценку в форме испытаний высокоавтоматизированных транспортных средств на соответствие обязательным требованиям, установленным техническим регламентом Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (далее – ТР ТС 018/2011) и Правилами Организации Объединенных Наций, которые применяются Российской Федерацией в силу участия в Соглашении о принятии единых образных технических предписаний для колесных транспортных средств, предметов оборудования и частей, которые могут быть установлены и (или) использованы на колесных транспортных средствах, и об условиях взаимного признания официальных утверждений, выдаваемых на основе этих предписаний, заключенном в г. Женеве 20 марта 1958 г., на которые оказывают влияние внесенные в конструкцию транспортного средства изменения.

Помимо этого, лаборатория выдает заявителю или направляет отказ в выдаче заключения о соответствии транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности с указанием идентификационного номера (VIN) транспортного средства, в отношении которого была проведена оценка соответствия (с указанием марки, модели, государственного регистрационного знака транспортного средства).

Заключение о соответствии транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности выдается при совокупном выполнении ряда требований. Это соответствие водителя высокоавтоматизированного транспортного средства следующим требованиям: наличие удостоверения на право управления транспортным средством соответствующей категории; стаж вождения транспортных средств соответствующей категории не менее 3 лет; отсутствие случаев административного наказания за нарушения в области безопасности дорожного движения в части лишения права управления транспортным средством соответствующей категории; отсутствие медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством соответствующей категории.

Предъявляются требования и к транспортному средству. Высокоавтоматизированное транспортное средство оснащено устройствами для непрерывной некорректируемой видеорегистрации действий водителя и окружающей дорожно-транспортной обстановки; устройством для активации и деактивации автоматизированной системы вождения, доступ к которому обеспечивается для водителя без отсоединения ремней безопасности; устройством для непрерывной некорректируемой регистрации, сбора и хранения данных датчиков автоматизированной системы вождения, функционирующим отдельно от иных устройств и обеспечивающим запись информации в формате, доступном только для чтения; установленным сзади высокоавтоматизированного транспортного средства специальным знаком «Автономное управление» в виде равностороннего треугольника белого цвета вершиной вверх с каймой красного цвета (сторона треугольника не менее 200 мм, ширина каймы – 1/10 стороны), в который вписана буква «А» черного цвета.

Министерство внутренних дел РФ вносит изменения в регистрационные данные высокоавтоматизированного транспортного средства на основании представленного собственником высокоавтоматизированного транспортного средства (его владельцем) заключения о соответствии транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности, и вносит запись об отнесении этого транспортного средства к высокоавтоматизированным транспортным средствам в целях участия в проведении эксперимента в графу «особые отметки» свидетельства о регистрации транспортного средства и карточки учета транспортного

средства, и указывает ограничения по эксплуатации таких транспортных средств исключительно на территории проведения эксперимента и на период проведения эксперимента.

В случае если собственник высокоавтоматизированного транспортного средства не выполняет обязанность по представлению информации о результатах эксперимента в испытательную лабораторию, эта лаборатория вправе направить соответствующее уведомление в Министерство внутренних дел РФ.

Министерство внутренних дел РФ по результатам рассмотрения полученного уведомления признает недействительным регистрационное действие, связанное с допуском высокоавтоматизированного транспортного средства к участию в эксперименте, в порядке, установленном Министерством внутренних дел РФ. При этом участие в эксперименте собственника высокоавтоматизированного транспортного средства после истечения 3-дневного срока со дня принятия решения о признании регистрационного действия, связанного с допуском высокоавтоматизированного транспортного средства к участию в эксперименте, недействительным прекращается.

Во время проведения эксперимента собственник высокоавтоматизированного транспортного средства обязан: осуществлять видеофиксацию действий водителя и окружающей дорожно-транспортной обстановки во время проведения эксперимента, обеспечивать хранение видеозаписей о действиях водителя и об окружающей дорожно-транспортной обстановке во время проведения эксперимента в течение не менее 10 лет и предоставлять доступ к таким данным по запросу Министерства внутренних дел РФ и (или) Министерства промышленности и торговли РФ; уведомлять пассажиров высокоавтоматизированного транспортного средства о том, что эксплуатация этого транспортного средства осуществляется в режиме эксперимента. Эти требования следует признать обоснованными, поскольку они обеспечивают права и законные интересы и государства, в лице соответствующих министерств, и граждан как субъектов, которым оказываются транспортные услуги.

Собственник высокоавтоматизированного транспортного средства несет ответственность за дорожно-транспортные и иные происшествия на автомобильных дорогах Российской Федерации, произошедшие с участием принадлежащего ему высокоавтоматизированного транспортного средства при проведении эксперимента, при

отсутствии виновных действий других участников дорожного движения, приведших к данному дорожно-транспортному или иному происшествию на автомобильной дороге. Такая презумпция вины исходит из юридического понимания природы ответственности субъекта, эксплуатирующего источник повышенной опасности, хотя и не в полной мере предусматривает дифференциацию владельца транспортного средства и создателя программного продукта, включающего в себя алгоритм автоматического управления транспортной системой и искусственный интеллект, призванный оценивать дорожную ситуацию и выдавать приказы для управления транспортом.

По результатам проведения эксперимента: собственник высокоавтоматизированного транспортного средства представляет информацию о результатах проведения эксперимента, подлежащую представлению собственником высокоавтоматизированного транспортного средства по итогам проведения эксперимента, в испытательную лабораторию.

Испытательная лаборатория по завершении эксперимента формирует и направляет в Министерство промышленности и торговли РФ предложения по составу требований к высокоавтоматизированным транспортным средствам и методике подтверждения соответствия таким требованиям; формирует отчет о результатах эксперимента на основании представленной собственником высокоавтоматизированного транспортного средства информации о результатах проведенного эксперимента и направляет его в Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство внутренних дел РФ, рабочую группу по разработке и реализации дорожной карты «Автонет» Национальной технологической инициативы, Ассоциацию разработчиков, производителей и потребителей оборудования и приложений на основе глобальных навигационных спутниковых систем «ГЛОНАСС/ГНСС-Форум» и некоммерческое партнерство «Содействие развитию и использованию навигационных технологий».

Министерство промышленности и торговли РФ: организует разработку и установление требований безопасности к высокоавтоматизированным транспортным средствам и методов испытаний таких транспортных средств на основании результатов эксперимента и на основе полученных от испытательной лаборатории отчетов о результатах эксперимента, формирует и направляет в Правительство РФ

предложения о целесообразности дальнейшего применения и развития опыта, полученного в рамках реализации эксперимента.

В таком случае очевидно, что правовое регулирование использования беспилотного автомобильного транспорта является в настоящее время вопросом экспериментального регулирования, однако имеет прекрасные перспективы послужить основанием для универсального регулирования вне экспериментального режима.

Отметим при этом, что можно говорить о двух форматах использования беспилотного автомобильного транспорта. Первый предполагает использование выделенных и оборудованных магистралей, функционально предназначенных только и исключительно для использования беспилотных транспортных систем. На таких выделенных дорогах могут появиться только беспилотные автомобили с искусственным интеллектом, а режим их функционирования будет предполагать невозможность наступления аварийных ситуаций. В таком случае такие дороги можно будет сравнить с беспилотным монорельсом, на котором составы идут с интервалом по времени, а в случае поломки состава останавливается все движение, не создавая возможности инцидентов. При этом нормальное регулирование такого применения беспилотных транспортных систем будет включать в себя внесение в реестр беспилотного транспортного средства, соответствующего переделанным государством критериям (на уровне нормативного документа МВД), и положения о порядке использования соответствующей выделенной магистрали. Такой случай можно рассматривать как наименее спорный и не вызывающий существенных проблем для участников дорожного движения.

Другим вариантом является использование беспилотных транспортных систем в условиях дорог общего пользования. Как минимум, такой вариант потребует внесения изменений в правила дорожного движения. При этом, помимо специальной регистрации транспортных средств с автономной системой управления и искусственным интеллектом, должны быть установлены правила недопустимости уязвимости программы искусственного интеллекта для вредоносных атак. Хакерская атака на такую программу может привести к необратимым последствиям.

Вследствие этого необходимо предусматривать механизм моментального отключения транспортного средства. Кроме того, должна быть введена ответственность за вмешательство в

программные продукты искусственного интеллекта для беспилотных транспортных средств, предусматривающая ответственность за любое вмешательство в работу таких программных средств и исключая возможность перепрограммирования (перепрошивки) бортового компьютера вне специализированных сервисных центров.

Очевидно, что автомобили с автономной системой управления должны иметь специальные обозначения, которые могли бы дать всем участникам движения сигнал о том, что транспортное средство управляется искусственным интеллектом. Это информирование участников дорожного движения необходимо для того, чтобы обеспечить режим безопасности.

В перспективе же автомобильный транспорт с искусственным интеллектом станет неотъемлемой частью обычной жизни населенных пунктов по всему миру, обеспечит большую безопасность движения (искусственный интеллект не садится за руль в нетрезвом состоянии и не нарушает правила дорожного движения, не зависит от факторов состояния здоровья и от психологического состояния водителя).

Более того, вероятнее всего уже в обозримой перспективе мы столкнемся с тем, что обязательной опцией для транспортных средств станет наличие искусственного интеллекта, способного, как минимум, перехватывать управление транспортным средством в условиях повышенной опасности, а равно контролировать соблюдение правил дорожного движения водителем. В частности, искусственный интеллект будет контролировать скорость транспорта, автоматически уменьшая ее до допустимых значений, будет контролировать реакции водителя в случае его болезненного состояния, случайной потери им концентрации или сознания и, разумеется, будет контролировать исправность основных систем транспортного средства, что далеко не всегда может сделать человек в силу ограниченности органов чувств.

Такие вспомогательные опции могут быть встроены в транспорт уже в ближайшее время, что даже не потребует особых правил эксплуатации транспортных средств безопасности движения в связи с тем, что данные опции будут интегрированы в транспортные средства, соответствующие регламентным нормам и, как следствие, адаптированы в механизм регулирования.

Гораздо проще ситуация обстоит с использованием беспилотных летательных аппаратов. Порядок использования воздушного

пространства Российской Федерации, в том числе и беспилотными воздушными судами, установлен Федеральными правилами использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 (далее – ФАП-138)¹.

Полеты беспилотных воздушных судов отнесены к деятельности по использованию воздушного пространства. Физические или юридические лица, планирующие осуществлять запуски беспилотных воздушных судов, должны знать и выполнять правила и процедуры, установленные воздушным законодательством Российской Федерации в сфере использования воздушного пространства.

Для выполнения полетов беспилотных воздушных судов ФАП-138 установлен разрешительный порядок использования воздушного пространства, независимо от класса воздушного пространства, в котором выполняется полет.

Разрешительный порядок использования воздушного пространства предусматривает направление в оперативные органы (центры) Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации (далее – ЕС ОрВД) представленного плана полета воздушного судна (беспилотных воздушных судов), а также получение разрешения центра организации воздушного движения на использование воздушного пространства.

Использование воздушного пространства беспилотными воздушными судами осуществляется посредством установления временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений в интересах пользователей воздушного пространства, организующих полеты беспилотных воздушных судов.

Представления на установление временного и местного режимов подаются пользователями воздушного пространства в соответствии с Инструкцией по разработке, установлению, введению и снятию временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений, утвержденной приказом Минтранса России от 27 июня 2011 г. № 171².

¹ Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 // Собр. законодательства РФ. 2010. № 14. Ст. 1649.

² Об утверждении Инструкции по разработке, установлению, введению и снятию временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений : приказ Министрства транспорта РФ от 27 июня 2011 г. № 171 // Рос. газ. 2011. 26 июня.

Планирование и координирование использования воздушного пространства осуществляется центрами организации воздушного движения в соответствии с федеральными авиационными правилами «Организация планирования использования воздушного пространства Российской Федерации», утвержденными приказом Минтранса России от 16 января 2012 г. № 6¹.

При необходимости использования воздушного пространства беспилотными воздушными судами над населенным пунктом пользователю воздушного пространства в соответствии с п. 49 ФАП-138 дополнительно необходимо получить разрешение органа местного самоуправления такого населенного пункта.

Направление представленного плана полета воздушного судна в центры организации движения осуществляется пользователем воздушного пространства в соответствии с Табелем сообщений о движении воздушных судов в Российской Федерации, утвержденным приказом Минтранса России от 24 января 2013 г. № 13 (далее – Табель сообщений). Пунктом 9 Табеля сообщений предусмотрена возможность представления планов полетов в центры организации движения по телефону (факсу). Кроме того, контактная информация, необходимая для направления плана полета воздушного судна (беспилотных воздушных судов), размещена на информационно-телекоммуникационных ресурсах в сети Интернет².

Приказами Минтранса России от 9 марта 2016 г. № 47 «Об установлении зон ограничения»³ и № 48 «Об установлении запретных зон»⁴ в воздушном пространстве Российской Федерации установлены запретные зоны и зоны ограничения полетов.

Почтовые адреса, телефоны, частоты радиосвязи авиационного диапазона лиц, наделенных полномочиями по выдаче разрешений

¹ Об утверждении Федеральных авиационных правил «Организация планирования использования воздушного пространства Российской Федерации»: приказ Министерства транспорта РФ от 16 янв. 2012 г. № 6 // Рос. газ. 2012. 4 апр.

² Об утверждении Табеля сообщений о движении воздушных судов в Российской Федерации: приказ Министерства транспорта РФ от 24 янв. 2013 г. № 13 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2013. № 31.

³ Об установлении зон ограничения полетов: приказ Министерства транспорта РФ от 9 марта 2016 г. № 47 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2016. 14 апр.

⁴ Об установлении запретных зон: приказ Министерства транспорта РФ от 9 марта 2016 г. № 48 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2016. 14 апр.

на использование воздушного пространства запретных зон и зон ограничения полетов, опубликованы на официальном сайте Федерального агентства воздушного транспорта в сети Интернет.

Согласно п. 40 ФАП-138, при необходимости использования воздушного пространства запретных зон и зон ограничения полетов, пользователи воздушного пространства (граждане – владельцы беспилотных воздушных судов) обязаны получить разрешение лиц, в интересах которых установлены такие зоны. Почтовые адреса, телефоны, частоты радиосвязи авиационного диапазона лиц, наделенных полномочиями по выдаче таких разрешений опубликованы на официальном сайте Федерального агентства воздушного транспорта в сети Интернет.

В соответствии с разд. VI «Общие правила выполнения авиационных работ» Федеральных авиационных правил «Подготовка и выполнение полетов в гражданской авиации Российской Федерации», утвержденных приказом Минтранса России от 31 июля 2009 г. № 128, проведение фото- и киносъемки и других способов дистанционного зондирования земли с борта воздушного судна, в том числе и беспилотных воздушных судов, относится к авиационным работам¹.

Физические (юридические) лица, выполняющие авиационные работы, должны соответствовать сертификационным требованиям, установленным Федеральными авиационными правилами «Требования к проведению обязательной сертификации физических лиц, юридических лиц, выполняющих авиационные работы, порядок проведения сертификации», утвержденными приказом Минтранса России от 23 декабря 2009 г. № 249.

Согласно п. 40 ФАП-138, при необходимости использования воздушного пространства запретных зон и зон ограничения полетов, пользователи воздушного пространства обязаны получить разрешение лиц, в интересах которых установлены такие зоны.

Физическое или юридическое лицо, планирующее осуществлять запуски беспилотных воздушных судов, должно знать и выполнять правила и процедуры, установленные воздушным законо-

¹ Об утверждении Федеральных авиационных правил «Подготовка и выполнение полетов в гражданской авиации Российской Федерации» : приказ Министерства транспорта РФ от 31 июля 2009 г. № 128 // Рос. газ. 2009. 10 сент.

дательством Российской Федерации в сфере использования воздушного пространства. За нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях установлена соответствующая ответственность физических (юридических) лиц.

Таим образом, сам порядок использования беспилотных воздушных судов реализован в российском законодательстве в полном объеме. Однако практически полностью игнорируется особенность, связанная с применением механизма искусственного интеллекта. В большинстве случаев работа беспилотного летального аппарата связана с управлением им с земли оператором полета. Однако сейчас имеются воздушные суда с полной автономностью полета. Так, в 2023 г. российские конструкторы разработали беспилотный летательный аппарат, которому практически не нужен оператор.

На базе дрона можно создавать многофункциональные транспортные системы, способные работать с помощью искусственного интеллекта. В зависимости от метеоусловий дрон может находиться в воздухе полтора-два часа. Максимальная скорость – 90 километров в час. Свое состояние в полете беспилотник контролирует самостоятельно за счет искусственного интеллекта, способного с помощью предиктивной аналитики принять решение вернуться на базу или аварийно приземлиться.

Полагаем, что, хотя такой аппарат существенно отличается от схемы с наземным пилотированием оператором, его применение не потребует больших корректировок действующих нормативных правовых актов, но приведет к необходимости выработки технических требований к воздушным судам, необходимых для включения таких судов в государственный реестр.

В целом же полагаем, что применение искусственного интеллекта на транспорте стало в настоящее время вполне решаемой задачей и для автомобильного, и для воздушного транспорта. Применение экспериментального правового режима в таком случае следует признать скорее вынужденной мерой и временным явлением, которое постепенно будет заменено постоянным правовым регулированием.

2. Техническое регулирование транспортных систем с искусственным интеллектом

Отдельно стоит отметить, что в настоящее время разработан комплекс технических норм, связанных с применением искусственного интеллекта. Транспортные системы в таком случае являются, наряду с медицинским применением искусственного интеллекта, одними из основных в рамках такого регулирования. Сейчас в России действует ряд ГОСТов для транспортных систем с искусственным интеллектом. В первую очередь такие технические нормы применяются для автомобильного и воздушного транспорта.

Е. А. Башкирова и Н. М. Куприков полагают, что в сфере технического регулирования имеется ряд важнейших проблем. Среди них выделяются отсутствие гарантий безопасности систем ИИ (транспорт, медицина и т. п.), необходимость гарантированного подтверждения безопасности систем искусственного интеллекта для людей и окружающей среды. Кроме того, в качестве проблем определены отсутствие унифицированных методик измерения функциональных характеристик, ограничения, вызванные конфиденциальностью обучающих наборов данных, а также сложности интеграции систем искусственного интеллекта в существующую информационную инфраструктуру¹.

В частности, ГОСТ Р 70249-2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Высокоавтоматизированные транспортные средства. Термины и определения»² определяет понятийный аппарат, связанный с применением искусственного интеллекта в транспортных системах. Этим стандартом установлено, что автоматическая система управления движением (далее – АСУД) представляет собой аппаратные и программные средства, которые в совокупности способны выполнять всю задачу управления движением в длительном режиме вне зависимости от того, ограничена ли она конкретными условиями эксплуатации, а алгоритм, применяемый в таких системах, – конечное упорядоченное множество точно определенных правил для решения конкретной задачи.

¹ Куприков Н. М., Башкирова Е. А. Вопросы стандартизации в сфере искусственного интеллекта // Компетентность. 2022. № 3. С. 14–18.

² ГОСТ Р 70250-2022. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Варианты использования и состав функциональных подсистем искусственного интеллекта. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

Установлено, что базовым набором управляющих воздействий высокоавтоматизированного транспортного средства считается совокупность управляющих воздействий на движущие механизмы транспортного средства, обеспечивающих выполнение набора маневров, необходимых для передвижения по сети автомобильных дорог из начальной в конечную точку движения по оптимальному маршруту, с учетом характеристик элементов автомобильных дорог и системы организации дорожного движения на объекте.

Этим же стандартом установлено, что система искусственного интеллекта для управления движением высокоавтоматизированным транспортным средством – это часть (подсистема) автоматической системы управления движением высокоавтоматизированным транспортным средством, предназначенная для выработки решений на управление им без заранее заданного алгоритма на основе обработки входных данных, обучения в процессе функционирования и использования полученных знаний, и обеспечивающая выполнение в реальном времени задачи управления движением высокоавтоматизированного транспортного средства.

Полагаем, что понятийный аппарат, установленный данным стандартом, является на текущем этапе развития искусственного интеллекта достаточным, однако требующим в будущем комплексных решений, направленных на расширение понятийной базы (хотя бы вследствие усложнения механизмов применения искусственного интеллекта и использования транспортных средств с рядом переменных систем искусственного интеллекта, например системы управления отдельным транспортным средством и системы позиционирования транспортного средства в потоке транспортных средств).

ГОСТ Р 70250-2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Варианты использования и состав функциональных подсистем искусственного интеллекта» устанавливает допустимые критерии для использования искусственного интеллекта в автомобильном транспорте. Стандарт устанавливает минимальный, но не исчерпывающий состав функциональных подсистем искусственного интеллекта, обеспечивающих безопасное и эффективное функционирование систем искусственного интеллекта на автомобильном транспорте в составе интеллектуальных транспортных систем, систем технического диагностирования и системы искусственного интеллекта для автоматизированного управления движением, а также общие требования к испытанию алгоритмов.

ГОСТ определяет, что подсистемы, использующие технологии искусственного интеллекта, включают в себя: подсистему планирования базового маршрута; подсистему интерпретации входных данных о дорожной обстановке; подсистему оценки дорожной обстановки; подсистему мониторинга и контроля состояния транспортного средства; подсистему оперативного управления; подсистему тактического управления. Подсистемы транспортных средств, использующие технологии искусственного интеллекта: подсистему светофорного управления; подсистему взаимодействия с транспортными средствами; подсистему обеспечения приоритетного проезда; подсистему контроля соблюдения правил дорожного движения и контроля транспорта; подсистему контроля соблюдения правил дорожного движения пешеходами; подсистему управления маршрутами общественного транспорта; подсистему видеонаблюдения, детектирования дорожно-транспортных происшествий и чрезвычайных ситуаций, а также подсистемы обмена данными, использующие технологии искусственного интеллекта: подсистему диагностирования и подсистему мониторинга.

Все эти подсистемы должны реализовываться в одной системе управления транспортным средством и соответствовать определенным стандартам, факторам и условиям, а также проводимым испытаниям.

ГОСТ 70251-2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов обнаружения и распознавания препятствий»¹ вводит требования для алгоритмов искусственного интеллекта в автомобильном транспорте. Данный стандарт вместе со стандартами ГОСТ 70252-2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов низкоуровневого слияния данных»², ГОСТ 70253-2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением

¹ ГОСТ Р 70251-2022. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов обнаружения и распознавания препятствий». М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

² ГОСТ 70252-2022. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов низкоуровневого слияния данных. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов обнаружения и реконструкции структуры перекрестков»¹, ГОСТ 70254-2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов прогнозирования поведения участников дорожного движения»², ГОСТ 70255-2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов обнаружения и распознавания дорожных знаков»³, ГОСТ 70256-2022 «Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов контроля обочины и полосы движения»⁴ определяют совокупность требований испытаний конкретных подсистем системы искусственного интеллекта.

Особый интерес представляет ГОСТ Р 59391-2021 «Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Аппаратно-программные средства с применением технологий искусственного интеллекта для колесных транспортных средств. Классификация, назначение, состав и характеристики средств фото- и видеофиксации»⁵, который описывает механизм применения искусственного интеллекта для целей прогнозирования поведения участников дорожного движения. Аппаратно-программные средства для

¹ ГОСТ 70253-2022. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов обнаружения и реконструкции структуры перекрестков. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

² ГОСТ 70254-2022. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов прогнозирования поведения участников дорожного движения. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

³ ГОСТ 70255-2022. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов обнаружения и распознавания дорожных знаков. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

⁴ ГОСТ. 70256-2022. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов контроля обочины и полосы движения. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

⁵ ГОСТ Р 59391-2021. Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Аппаратно-программные средства с применением технологий искусственного интеллекта для колесных транспортных средств. Классификация, назначение, состав и характеристики средств фото- и видеофиксации. М. : ФГБУ «РСТ», 2021.

колесных транспортных средств обеспечивают мониторинг поведения и прогнозирования намерений водителя и пассажира. Аппаратно-программные средства с применением технологий искусственного интеллекта для колесных транспортных средств обеспечивают фото- и видеофиксацию области мониторинга, реализуют функции мониторинга поведения и прогнозирования намерений водителя в автоматическом режиме и в заданных условиях и передачу зафиксированной информации в облачный сервис.

При этом под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Технологии искусственного интеллекта, в свою очередь, – это технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта.

Сам же комплекс включает в себя мониторинг поведения – процесс регистрации поведения, в ходе которого происходит анализ поведения людей или групп людей и прогнозирование намерений, т. е. процесс анализа и интерпретации поведения человека на основе объективных данных, регистрируемых средствами мониторинга, а также вероятность совершения в будущем действий, подпадающих под задачи, поставленные перед средствами прогнозирования намерений людей либо группы людей.

Мониторинг поведения и прогнозирование намерений людей решают такие задачи, как повышение безопасности дорожного движения; повышение качества оказываемых транспортных услуг по перевозке пассажиров, багажа и грузов; развитие «ненавязчивого» подхода мониторинга поведения водителя, исключающего применение средств физического воздействия на водителя; повышение уровня доверия к технологиям искусственного интеллекта; развитие технологий искусственного интеллекта на транспорте.

Система мониторинга должна осуществлять следующий минимально необходимый перечень функций: идентификацию водителя; обнаружение лица водителя в кадре; распознавание сонливости

водителя и микросна водителя независимо от наличия интернет-подключения; распознавание отвлечения водителя независимо от наличия интернет-подключения; видеозапись происходящего по ходу движения транспортного средства; видеозапись происходящего в области мониторинга; оповещение водителя о зафиксированных событиях; оповещение водителя при возникновении сбоя или неисправности; распознавание вмешательства в работу системы мониторинга и оповещение водителя; сохранение и передачу информации о зафиксированных событиях в облачный сервис; определение значений и изменения скорости, направления движения и ускорения транспортного средства; поддержание принудительной записи видеофайлов и аудиофайлов после непосредственной команды (ключевого слова) водителя или пассажира или после нажатия кнопки водителем на корпусе системы мониторинга.

Таким образом, мы видим, что в сфере автомобильного транспорта создан комплекс технических норм, обеспечивающих высокую степень реализации инициатив по внедрению искусственного интеллекта в сферу транспорта.

Значительное регулирование наблюдается также в сфере авиационной деятельности с использованием систем с искусственным интеллектом. В настоящее время в России принят ряд стандартов, регламентирующих применение искусственного интеллекта в сфере аэронавигации, в том числе:

– ПНСТ 779-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм обработки информации для средств мониторинга глобальной навигационной спутниковой системы. Термины и определения»¹;

– ПНСТ 780-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм контроля целостности для приемников спутниковой навигации ГЛОНАСС/GPS. Термины и определения»²;

¹ ПНСТ 779-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм обработки информации для средств мониторинга глобальной навигационной спутниковой системы Термины и определения. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

² ПНСТ 780-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм контроля целостности для приемников спутниковой навигации ГЛОНАСС/GPS. Термины и определения. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

– ПНСТ 784-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм контроля целостности для приемников спутниковой навигации ГЛОНАСС/GPS. Методы испытаний»¹;

– ПНСТ 785-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм обработки информации для средств мониторинга глобальной навигационной спутниковой системы. Общие требования»²;

– ПНСТ 786-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм обработки информации для средств мониторинга глобальной навигационной спутниковой системы. Методы испытаний»³;

– ПНСТ 787-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм оценки состояния бедствия воздушного судна. Методы испытаний»⁴;

– ПНСТ 788-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм контроля целостности для приемников спутниковой навигации ГЛОНАСС/GPS. Общие требования»⁵;

– ПНСТ 789-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм оценки состояния бедствия воздушного судна. Общие требования»⁶.

¹ ПНСТ 784-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм контроля целостности для приемников спутниковой навигации ГЛОНАСС/GPS. Методы испытаний. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

² ПНСТ 785-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм обработки информации для средств мониторинга глобальной навигационной спутниковой системы Общие требования. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

³ ПНСТ 786-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм обработки информации для средств мониторинга глобальной навигационной спутниковой системы Методы испытаний. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

⁴ ПНСТ 787-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм оценки состояния бедствия воздушного судна. Методы испытаний. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

⁵ ПНСТ 788-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм контроля целостности для приемников спутниковой навигации ГЛОНАСС/GPS. Общие требования. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

⁶ ПНСТ 789-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм оценки состояния бедствия воздушного судна. Общие требования. М. : ФГБУ «РСТ», 2022.

Все указанные стандарты позволяют реализовать полный комплекс решений по внедрению искусственного интеллекта в работе воздушного судна.

Помимо этого, в транспорте применяется и ряд технических норм, предназначенных для систем искусственного интеллекта вообще, например ГОСТ Р 59277-2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта»¹ и ГОСТ Р 59898-2021 «Оценка качества систем искусственного интеллекта. Общие положения»².

В частности, данными стандартами установлено, что под автоматической системой понимается совокупность управляемого объекта и автономной системы искусственного интеллекта, функционирующая самостоятельно, без участия человека. Автономность такой системы определена как характеристика системы, связанная с ее способностью самостоятельно (без участия человека) выполнять возложенные на нее функции в течение заданного времени и с заданными показателями качества, надежности, безопасности. Внедрен институт «агента», под которым понимается физический и (или) программный объект, который оценивает собственное состояние, состояние других объектов и окружающей среды для выполнения своих действий, включая прогнозирование и планирование, которые максимизируют успешность, в том числе при неожиданном изменении оцениваемых состояний, достижения своих целей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в России в целом решена задача технического регулирования в сфере транспорта, однако повышение сложности систем и уровня решаемых задач поставит перед государством задачу постепенного изменения и дополнения совокупности технических норм.

При этом, с учетом того, что внедрение искусственного интеллекта в настоящее время реализуется практически во всех технологически развитых странах мира, в ближайшее время перед человечеством встанет серьезная проблема решения задач по унификации технических норм и правил, что в условиях современного международного состояния представить достаточно сложно. Между тем,

¹ ГОСТ Р 59277-2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта. М. : ФГБУ «РСТ», 2020.

² ГОСТ Р 59898-2021. Оценка качества систем искусственного интеллекта. Общие положения. М. : ФГБУ «РСТ», 2021.

полагаем, есть существенный потенциал решения данной задачи в рамках БРИКС, что может стать началом для формирования устойчивой международной технической платформы для унификации транспортных систем с искусственным интеллектом.

3. Юридическая ответственность при использовании автономных транспортных средств с искусственным интеллектом

Основным правовым вопросом, связанным с эксплуатацией автономных транспортных средств с искусственным интеллектом, является вопрос юридической ответственности за действия, совершаемые с участием такого автономного транспортного средства. Данный вопрос требует, как минимум, гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой реакции.

Безусловно, основополагающим принципом был и остается принцип ответственности владельца источника повышенной опасности. Владелец автомобиля с искусственным интеллектом, воздушного или водного судна должен быть приоритетным субъектом ответственности. Это обеспечивает и защиту прав пострадавших от источника повышенной опасности, и реализацию изначальной фиксации самого деяния.

При этом попытка определить сам искусственный интеллект как субъект, принимающий решение и, следовательно, несущий ответственность, является не только технически некорректной, но и абсурдной. Согласимся с мнением Н. Н. Апостоловой о том, что способность искусственного интеллекта «обучаться и адаптироваться, планировать и прогнозировать, рассуждать и делать выводы, взаимодействовать на естественном языке и осуществлять визуальное восприятие»¹ не дает оснований утверждать о наличии у него сознания и даже самосознания аналогичного человеческому².

Н. Н. Апостолова пишет, что возможность сильных самообучающихся роботов превосходить людей в скорости, точности и объеме вычислительных операций (путем хотя и очень быстрого, но

¹ Мельничук М. А., Ченцова Д. В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6. С. 66–68.

² Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–118.

механического подбора подходящего варианта) далеко не равнозначна человеческому сознанию, самосознанию и интеллекту. Новое поколение искусственного интеллекта, функционирующего по принципу глубокого обучения (deep learning), пока не может подобно человеку осознавать свои действия¹. С этой мыслью также можно согласиться.

В юридической литературе выдвигаются идеи о допустимости наделения искусственного интеллекта особой правоспособностью² и рекомендация наделить системы с искусственным интеллектом статусом «электронного лица», способного нести ответственность за причиненный ими вред в тех случаях, когда они принимают решение самостоятельно, без вмешательства человека, которые могут быть применимы лишь для гражданско-правовой сферы³. В случаях с административной и уголовной ответственностью такой подход, очевидно, не приемлем, поскольку для их реализации необходимо осознанное осуществление прав и выполнение обязанностей (равнозначную человеку самооценку себя в окружающем мире, своих поступков и действий). Эти виды ответственности неразрывно связаны с психологией личности человека, с чувством и осознанием такой ответственности. При этом актуальным является вопрос о допустимости уголовной или административной ответственности

¹ Апостолова Н. Н. Указ. соч. С. 112–118.

² Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48; Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. 44 с.; Незнамов А. В., Наумов В. Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // Юридические исследования. 2017. № 8. С. 14–25.

³ Войниканис Е. А., Семенова Е. В., Тюляев Г. С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник ВГУ. Серия Право. 2018. № 4. С. 137–148; Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10. С. 63–72; Коротаев Е. Э., Степанян Ж. Правовая идентификация искусственного интеллекта как объекта гражданского права // Актуальные исследования. 2020. № 11 (14). С. 112–114; Мельничук М. А., Ченцова Д. В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта. С. 66–68; Салтанова С. В. Роботы в законе. Должен ли искусственный интеллект отвечать за свои проступки // URL: <https://issek.hse.ru/news/227178200.html> (дата обращения: 27.12.2023); Цуканова Е. Ю., Скопенко О. Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. № 8. № 4А. С. 42–48.

программистов, осуществивших создание программы, в которой был воплощен алгоритм искусственного интеллекта. При этом стоит отметить два фактора, имеющих важное значение.

Во-первых, полагаем, совершение дорожно-транспортного происшествия беспилотным транспортным средством с искусственным интеллектом не должно являться основанием для ответственности владельца такого средства, за исключением случаев, связанных с ситуациями, при которых действия такого владельца повлекли соответствующий сбой в работе системы искусственного интеллекта.

Во-вторых, ответственность должна налагаться на разработчиков системы искусственного интеллекта, но только в том случае, если их деяния содержали в себе признаки умышленного или неосторожного деяния (в зависимости от конкретизации совершенного правонарушения). И вот тут мы можем столкнуться с самой серьезной проблемой, связанной с тем, что нарушение в работе системы искусственного интеллекта достаточно трудно выявить, а в его создании принимает участие огромный коллектив программистов, технологов, тренеров и иных субъектов, установление личного вклада которых представляется крайне сложным. Между тем полагаем, что это предмет для отдельного масштабного исследования.

Н. Н. Апостолова справедливо отмечает, что даже если получится установить степень осознанности и мыслительные возможности самообучающихся роботов и уяснить, какими могут быть и не могут быть результаты их деятельности, — уравнивание их правового статуса с человеком не разумно. У человеческого, в определенной степени чувственно-эмоционального интеллекта против рационально-цифрового бездушного интеллекта шансов нет. Это необходимо четко и ясно осознавать людям, принимающим соответствующие государственные решения и законы¹.

Процесс создания и развития таких серьезных и опасных для человечества технологий недопустимо отдавать на откуп очень небольшого числа специалистов. Иначе это может привести к чудовищно бесчеловечным и катастрофическим для подавляющего большинства людей последствиям. В соответствующих законах должны быть четко определены не только цели создания и

¹ Апостолова Н. Н. Указ соч. С. 112–118.

применения искусственного интеллекта, но и кто, как контролирует и отвечает за его работу.

Закрепленные в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года и в Концепции развития регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года принципы должны неуклонно соблюдаться. Приоритет благополучия и безопасности человека, защита его основных прав и свобод, подконтрольность человеку и недопустимость противоправного манипулирования человеком должны стать безусловными правилами для разработчиков, создателей и пользователей систем искусственного интеллекта. За нарушение данных требований, за противоправные (тем более за общественно опасные) последствия деятельности автономно функционирующего искусственного интеллекта должен нести ответственность человек. Даже за вышедших из-под контроля и способных создавать себе подобных автономных интеллектуальных систем, так или иначе, ответственен человек. Он причина и творец этого феномена, обязанный осуществлять контроль и отвечать за последствия того, что им создано. Другое дело, в каких случаях, кто и какую ответственность будет нести – это вопросы, требующие серьезного осмысления и решения¹.

В науке есть мнение, что опасения насчет того, что установить и доказать «прямую связь между действиями производителя или пользователя и тем вредом, который причинил робот, крайне сложно»², имеют основания. При этом Н. Н. Апостолова считает, что «определенную причинно-следственную связь на уровне экспертных исследований выявить и доказать будет можно». Сеем согласиться с этим мнением только отчасти. Безусловно, если мы берем базовые аспекты работы искусственного интеллекта и требования к нему, что одним из важнейших критериев является полная фиксация информации о деятельности искусственного интеллекта. Информация должна собираться системой искусственного интеллекта и передаваться в облачное хранилище с длительным сроком хранения.

В таком случае у экспертов будет возможность ознакомиться и разобраться с параметрами работы искусственного интеллекта. Но

¹ Апостолова Н. Н. Указ соч. С. 112–118.

² Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Указ соч. С. 24–48.

при этом не исключены совокупность факторов, связанная с воздействием вирусов, физическим уничтожением информации в облачных хранилищах, да и наложение аппаратных сбоев и программных ошибок, которые могут не позволить установить личную вину разработчиков систем искусственного интеллекта.

Мнение о том, что при соблюдении закрепленных в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года и в Концепции развития регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года принципов безопасности и прозрачности – это вполне посильная задача, на наш взгляд, не универсально. Даже при безусловном следовании соответствующим принципам есть вероятность потери информации.

Исходя из этих принципов, создатели и пользователи искусственного интеллекта: не могут использовать его в противоправных целях; обязаны принимать меры по предупреждению и минимизации рисков наступления негативных последствий его использования; обязаны обеспечить «объяснимость работы искусственного интеллекта и процесса достижения им результатов», а также доступ к информации о применяемых алгоритмах работы искусственного интеллекта. Исходя из того, в какой степени соблюдались (или, наоборот, не соблюдались) создателями и пользователями данные принципы, и можно будет установить наличие либо отсутствие требующейся причинно-следственной связи.

По мере дальнейшего развития технологий могут иметь место и попытки целенаправленного создания и применения искусственного интеллекта непосредственно в противозаконных целях. Понятно, что такого рода «деятельность» программистов, производителей или пользователей должна квалифицироваться как умышленные деяния и влечь уже более строгую юридическую ответственность. Велика вероятность того, что в ходе использования «умных» автономных транспортных систем будут осуществляться умышленные правонарушения, связанные с действиями по незаконному доступу (проникновению) в систему искусственного интеллекта извне и внесению изменений в ее работу. Такие действия также должны влечь более строгую гражданскую, административную и уголовную ответственность. В случаях умышленного использования искусственного интеллекта в противоправных целях он будет являться всего лишь орудием совершения правонарушения.

Если лицо, создавшее и использовавшее робота, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым интересам и не предвидело и не могло предвидеть наступивших негативных последствий работы искусственного интеллекта, можно ставить вопрос о привлечении к гражданско-правовой ответственности без вины владельца искусственного интеллекта в соответствии со ст. 1079 Гражданского кодекса РФ. Как показывает практика применения искусственного интеллекта в сфере транспорта, его автономная, находящаяся вне полного контроля человека деятельность действительно может создавать повышенную вероятность причинения вреда и серьезную опасность для людей.

Субъектом юридической ответственности в сфере развития технологий искусственного интеллекта может быть достаточно широкий круг лиц. Прежде всего, это лица, осуществлявшие программное обеспечение «умной» автономной транспортной системы, а также лица, непосредственно создавшие эту систему. К этой же категории ответственных лиц следует отнести и пользователей искусственного интеллекта, использующих автономные интеллектуальные системы в той или иной сфере.

Полагаем, что вопросы ответственности в сфере использования искусственного интеллекта требуют особого специального закрепления. В качестве базового принципа, полагаем, должен выступать принцип безусловной персонификации разработчика системы искусственного интеллекта (которого следует непосредственно определять в документах сертификации системы искусственного интеллекта). Кроме того, целесообразно применение принципа распространения на такие деяния неосторожной формы вины как базовой при допущении отклонений в работе искусственного интеллекта, которые могут вызвать критические последствия. В целом же данный вопрос является предметом самостоятельного масштабного исследования.

Таким образом, очевидно, что использование искусственного интеллекта в автономных транспортных системах является актуальной задачей, стоящей перед отечественной юридической наукой, нормотворческой сферой, правоприменением. Очевидно, что использование беспилотных транспортных технологий с применением искусственного интеллекта будет постоянно возрастать, появятся случаи необходимого разрешения возникающих противоречий. К этому

моменту жизненно необходимо перейти от режима экспериментального правового регулирования к полноценному устойчивому регулированию общественных отношений в сфере использования искусственного интеллекта в автономных транспортных системах.

Решение указанной задачи требует не только совместной работы ученых, разрабатывающих беспилотные транспортные системы с искусственным интеллектом, и юристов, но и безусловное понимание необходимости регулирования, нацеленного на задачи не только сегодняшнего дня, но и будущие, которые еще не определены в полной мере, но намечены научно-техническим прогрессом.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что подготовка и принятие комплексного нормативного акта, посвященного регулированию создания, использования и распространения систем искусственного интеллекта, представляет собой сложную задачу, требующую привлечения представителей различных отраслей знания. Проанализированный иностранный опыт позволяет взять на вооружение целый ряд приемов, адаптация которых к российской действительности способна обеспечить конкурентоспособность нашей страны в сфере высоких технологий. К ним относятся классификация систем искусственного интеллекта и дифференциация их правового режима, применение «регуляторных песочниц», введение требований о комплексном аудите таких систем. Право должно выступить средством достижения баланса между интересами разработчиков систем искусственного интеллекта, населения, органов государственной власти и всех иных заинтересованных субъектов, а юридическая наука обеспечить выработку оптимальных нормативных решений.

В сфере нормотворчества намечается объективная потребность использования технологии искусственного интеллекта при разработке и подготовке нормативных правовых актов, в первую очередь по проведению рутинных и технических действий по обработке текста нормативного правового акта. Кроме того, в исследовании подчеркиваются необходимость и практическая значимость создания единой государственной информационной системы, включающей в себя возможность разработки проекта правового акта, проведения правовой экспертизы, принятия, официального опубликования, учета и систематизации, в том числе путем получения актуальной редакции нормативного правового акта в автоматическом режиме.

Вопросы юридической ответственности в сфере использования технологии искусственного интеллекта требуют специального правового закрепления. Предлагается принцип безусловной персонализации разработчика системы искусственного интеллекта, которого следует непосредственно определять в документах о сертификации системы искусственного интеллекта.

Учитывая, что внедрение технологий искусственного интеллекта осуществляется во всех технологически развитых странах

мира, в ближайшее время перед человечеством встанет серьезная проблема решения задач по унификации технических норм и правил, что в условиях современного международного состояния представить достаточно сложно. Существенный потенциал решения данной задачи в рамках БРИКС может стать началом для формирования устойчивой международной технической платформы для унификации транспортных систем с искусственным интеллектом.

Представляется, что проблемы и выводы, обозначенные в настоящей монографии, позволят расширить границы понимания и осознания искусственного интеллекта не только как объекта правового регулирования, но как фактора, осуществляющего трансформацию правовых явлений.

Список использованной литературы

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1387.

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федер. закон от 24 апр. 2020 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

3. Об экспериментальных правовых режимах в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5017.

4. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта : Федер. закон от 8 нояб. 2007 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 46. – Ст. 5555.

5. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

6. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 19 авг. 2020 г. № 2129-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 35. – Ст. 5593.

7. Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 14. – Ст. 1649.

8. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств : постановление Правительства Рос. Федерации от 26 нояб. 2018 г. № 1415 // Собрание законодательств Российской Федерации. – 2018. – № 49 (ч. 6). – Ст. 7619.

9. Об утверждении Федеральных авиационных правил «Подготовка и выполнение полетов в гражданской авиации Российской Федерации» : приказ министерства транспорта Рос. Федерации от 31 июля 2009 года № 128 // Российская газета. – 2009. – 10 сент.

10. Об утверждении Инструкции по разработке, установлению, введению и снятию временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений : приказ Министерства транспорта Рос. Федерации от 27 июня 2011 года № 171 // Российская газета. – 2011. – 26 июня.

11. Об утверждении Федеральных авиационных правил «Организация планирования использования воздушного пространства Российской Федерации» : приказ министерства транспорта Рос. Федерации от 16 янв. 2012 г. № 6 // Российская газета. – 2012. – 4 апр.

12. Об утверждении Табеля сообщений о движении воздушных судов в Российской Федерации : приказ министерства транспорта Рос. Федерации от 24 янв. 2013 г. № 13 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2013. – № 31.

13. Об установлении зон ограничения полетов : приказ министерства транспорта Рос. Федерации от 9 марта 2016 г. № 47 // Официальный интернет-портал правовой информации : гос. система правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru.

14. Концепция развития технологий машиночитаемого права: утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15 дек. 2021 г. № 31 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

15. ГОСТ Р 70252-2022. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов низкоуровневого слияния данных : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ», 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

16. ГОСТ Р 59277-2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ», 2020. // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

17. ГОСТ Р 59391-2021. Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Аппаратно-программные средства с применением технологий искусственного интеллекта для колесных транспортных средств. Классификация, назначение, состав и характеристики средств фото- и видеофиксации : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ», 2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

18. ГОСТ Р 59898-2021. Оценка качества систем искусственного интеллекта. Общие положения : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ», 2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

19. ГОСТ Р 70250-2022. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Варианты использования и состав функциональных подсистем искусственного интеллекта : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ», 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

20. ГОСТ Р 70251-2022. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Системы управления движением транспортным средством. Требования к испытанию алгоритмов обнаружения и распознавания препятствий : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ». 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

21. ПНСТ 779-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм обработки информации для средств мониторинга глобальной навигационной спутниковой системы Термины и определения : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ». 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

22. ПНСТ 780-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм контроля целостности для приемников спутниковой навигации ГЛОНАСС/GPS. Термины и определения : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ». 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

23. ПНСТ 784-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм контроля целостности для приемников спутниковой навигации ГЛОНАСС/GPS. Методы испытаний : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ». 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

24. ПНСТ 785-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм обработки информации для средств мониторинга глобальной навигационной спутниковой системы Общие требования : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ». 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

25. ПНСТ 786-2022. Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм обработки информации для средств мониторинга глобальной навигационной спутниковой системы Методы испытаний : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ», 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

26. ПНСТ 787-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм оценки состояния бедствия воздушного судна. Методы испытаний» : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ», 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

27. ПНСТ 788-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм контроля целостности для приемников спутниковой навигации ГЛОНАСС/GPS. Общие требования» : изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ». 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

28. ПНСТ 789-2022 «Искусственный интеллект для навигационных систем воздушных судов гражданской авиации. Алгоритм оценки состояния

бедствия воздушного судна. Общие требования: изд. офиц. – Москва : ФГБУ «РСТ». 2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

29. Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом / Н. Н. Апостолова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 1. – С. 112–118.

30. Войниканис Е. А. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов / Е. А. Войниканис, Е. В. Семенова, Г. С. Тюляев // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 4. – С. 137–148.

31. Гаджиев Г. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? / Г. А. Гаджиев, Е. А. Войниканис // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 24–48.

32. Залоило М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности / М. В. Залоило // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4. – С. 65–73.

33. Залоило М. В. Ведомственное нормотворчество: реализация правовых ценностей посредством искусственного интеллекта / М. В. Залоило, Д. С. Гвоздецкий // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – Москва, 2020. – С. 257–267.

34. Ирискина Е. Н. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений / Е. Н. Ирискина, К. О. Беляков // Гуманитарная информатика. – 2016. – Вып. 10. – С. 63–72.

35. Комин А. В. Применение алгоритмов в юриспруденции / А. В. Комин // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 74–79.

36. Коротаев Е. Э. Правовая идентификация искусственного интеллекта как объекта гражданского права / Е. Э. Коротаев, Ж. Степанян // Актуальные исследования. – 2020. – № 11 (14). – С. 112–114.

37. Куприков Н. М. Вопросы стандартизации в сфере искусственного интеллекта / Н. М. Куприков, Е. А. Башкирова // Компетентность. – 2022. – № 3. – С. 14–18.

38. Липчанская М. А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы / М. А. Липчанская, С. А. Привалов // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 10. – С. 85–96.

39. Мельничук М. А. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта / М. А. Мельничук, Д. В. Ченцова // Закон и право. – 2020. – № 6. – С. 66–68.

40. Минбалеев А. В. Процессы трансформации языка правотворчества в условиях цифровизации / А. В. Минбалеев // Язык правотворчества

в условиях цифровизации общественных отношений : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – Москва, 2019. – С. 140–142.

41. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2018. – 420 с.

42. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : автореф. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2018. – 44 с.

43. Не позволяй компьютеру думать за себя // Наука и жизнь. – 2014. – № 7. – URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/24619/>.

44. Незнамов А. В. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире / А. В. Незнамов, В. Б. Наумов // Юридические исследования. – 2017. – № 8. – С. 14–25.

45. Пашенцев Д. А. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 231–235.

46. Полякова Т. А. Формирование научно-правовых подходов к развитию системы применения цифровых технологий в нормотворчестве / Т. А. Полякова, Н. А. Троян // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 1. – С. 43–58.

47. Пономаренко А. А. Правотворчество органов государственной власти в условиях цифровизации: цели, задачи и принципы / А. А. Пономаренко // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 83–89.

48. Право и инновации: цифровизация, промышленность, экология : монография / Р. Ю. Колобов, А. В. Колосов, М. Г. Тирских [и др.]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2023. – 151 с.

49. Салтанова С. В. Роботы в законе. Должен ли искусственный интеллект отвечать за свои проступки / С. В. Салтанова. – URL: <https://is-sek.hse.ru/news/227178200.html>

50. Талапина Э. В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении / Э. В. Талапина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 4. – С. 865–881.

51. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, О. А. Иванюк, А. А. Головина. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 234 с.

52. Цуканова Е. Ю. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом / Е. Ю. Цуканова, О. Р. Скопенко // Вопросы российского и международного права. – 2018. – № 8, № 4А. – С. 42–48.

53. Arsene S. China's Social Credit System: A Chimera with Real Claws / S. Arsene // *Asie. Visions.* – 2019. – N 110. – P. 1–28.

54. Bari A. Using Artificial Intelligence to Predict Legislative Votes in the United States Congress / A. Bari, W. Brower, C. Davidson // *IEEE 6th International Conference on Big Data Analytics (ICBDA).* – Xiamen, China, 2021. – P. 56–60. DOI: 10.1109/ICBDA51983.2021.9403106.

55. Bradford A. The Brussels effect / A. Bradford // *Northwestern University Law Review.* – 2012. – Vol. 107, N 1. – P. 1–68.

56. Cox A. How artificial intelligence might change academic library work: Applying the competencies literature and the theory of the professions / A. Cox // *Journal of the Association for Information Science and Technology.* – 2023. – Vol. 74, N 3. – P. 367–380.

57. Dean J. A Golden Decade of Deep Learning: Computing Systems & Applications / J. Dean // *Daedalus.* – 2002. – Vol. 151, N 2. – P. 58–74.

58. Ferrara E. Fairness and Bias in Artificial Intelligence: A Brief Survey of Sources, Impacts, and Mitigation Strategies / E. Ferrara // *Sci.* – 2024. – Vol. 6, N 3. – P. 1–15.

59. Hacker P. AI Regulation in Europe: From the AI Act to Future Regulatory Challenges / P. Hacker. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2310.04072.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

60. Horodysky P. Applicants' perception of artificial intelligence in the recruitment process / P. Horodysky // *Computer in human behavior reports.* – Vol. 11. 100303. – P. 1–8.

61. Horodysky P. Recruiter's perception of artificial intelligence (AI)-based tools in recruitment / P. Horodysky // *Computer in human behavior reports.* – Vol. 10. 100298. – P. 1–10.

62. Lucke V. J. Using Artificial Intelligence for Legislation – Thinking About and Selecting Realistic Topics / V. J. Lucke, F. Fitsilis, J. Etscheid // *Proceedings of Ongoing Research, Practitioners, Workshops, Posters, and Projects of the International Conference EGOV-CeDEM-ePart 2022.* – 2022. – P. 32–42.

63. McCarty L. T. Artificial Intelligence and Law: How to Get There from Here / L. T. McCarty // *Ratio Juris.* – 1990. – Vol. 3, N 2. – P. 189–200.

64. Natale S. Imagining the thinking machine: Technological myths and the rise of artificial intelligence / S. Natale, A. Ballatore // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies.* – 2020. – Vol. 26, N 1. – P. 3–18.

65. Positive unlabeled learning for building recommender systems in a parliamentary setting / L. M. Campos, J. M. Fernandez-Luna, Juan F. Huerte, L. Redondo-Exposito // *Information Sciences.* – 2018. – Vol. 433–434. – P. 221–232.

66. Rissland E. L. Artificial Intelligence and Law: Stepping Stones to a Model of Legal Reasoning / E. L. Rissland // *The Yale Law Journal.* – Vol. 99, N 8. – P. 1957–1981.

67. Turing A. M. Computing machinery and intelligence / A. M. Turing // *Mind. New Series.* – 1950. – Vol. 59, N 236. – P. 430–460.

68. Wang N. “Black Box Justice”: Robot Judges and AI-based Judgment Processes in China’s Court System / N. Wang // *International Symposium on Technology and Society, Proceedings.* – 2020 – P. 58–65. – URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9462216> (дата обращения: 05.11.2023).

69. Xiao M. Building an efficient artificial intelligence model for personalized training in colleges and universities / M. Xiao, H. Yi // *Computer Applications in Engineering Education.* – 2020. – Vol. 29, N 2. – P. 350–358.

70. Xu N. Application of artificial intelligence in modern medicine / N. Xu, D. Yang, K. Arikawa, C. Bai // *Clinical eHealth.* – 2023. – Vol. 6. – P. 130–137.

Приложение

Извлечения из Закона ЕС
об искусственном интеллекте

Закон ЕС об искусственном интеллекте
по состоянию на 21 января 2024 г.

The Artificial Intelligence Act as of 21st January 2024

Title I: General Provisions Article 1: Subject Matter Раздел I: Общие положения Статья 1: Предмет сообщения	(1) The purpose of this Regulation is to improve the functioning of the internal market and promoting the uptake of human centric and trustworthy artificial intelligence, while ensuring a high level of protection of health, safety, fundamental rights enshrined in the Charter, including democracy, rule of law and environmental protection against harmful effects of artificial intelligence systems in the Union and supporting innovation. This Regulation lays down: (a) harmonised rules for the placing on the market, the putting into service and the use of artificial intelligence systems ('AI systems') in the Union;	(1) Целью настоящего Регламента является улучшение функционирования внутреннего рынка и содействие внедрению человекоцентричного и заслуживающего доверия искусственного интеллекта, обеспечивая при этом высокий уровень защиты здоровья, безопасности и основных прав, закрепленных в Хартии, включая демократию, верховенство закона и защиту окружающей среды от вредного воздействия систем искусственного интеллекта в Союзе и поддержку инноваций. Настоящее Положение устанавливает: (a) гармонизированные правила размещения на рынке, ввода в эксплуатацию и использования систем искусственного интеллекта («системы ИИ») в Союзе;
---	---	---

	(b) prohibitions of certain artificial intelligence practices; (c) specific requirements for high-risk AI systems and obligations for operators of such systems; (d) harmonised transparency rules for certain AI systems; (da) harmonised rules for the placing on the market of general-purpose AI models; (e) rules on market monitoring, market surveillance governance and enforcement; (ea) measures to support innovation, with a particular focus on SMEs, including start-ups	(b) запреты на определенные методы искусственного интеллекта; (c) конкретные требования к системам искусственного интеллекта высокого риска и обязательства операторов таких систем; (d) гармонизированные правила прозрачности для некоторых систем ИИ; (da) гармонизированные правила размещения на рынке моделей ИИ общего назначения; (e) правила мониторинга рынка, управления надзором за рынком и правоприменения; (ea) меры по поддержке инноваций с особым акцентом на МСП, включая стартапы
Title I: General Provisions Article 3: Definitions Раздел I: Общие положения Статья 3: Определения	(1) ‘AI system’ means a machine-based system designed to operate with varying levels of autonomy and that may exhibit adaptiveness after deployment and that, for explicit or implicit objectives, infers, from the input it receives, how to generate outputs such as predictions, content, recommendations, or decisions that can influence physical or virtual environments	(1) «Система искусственного интеллекта» означает машинную систему, предназначенную для работы с различными уровнями автономии, которая может проявлять адаптивность после развертывания и которая для явных или неявных целей делает вывод на основе получаемых входных данных, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент,

		рекомендации или решения, которые могут повлиять на физическую или виртуальную среду
Title II: Prohibited Artificial Intelligence Practices Article 5: Prohibited Artificial Intelligence Practices Раздел II: Запрещенные методы использования искусственного интеллекта Статья 5: Запрещенные действия в области искусственного интеллекта	1. The following artificial intelligence practices shall be prohibited: (a) the placing on the market, putting into service or use of an AI system that deploys subliminal techniques beyond a person's consciousness or purposefully manipulative or deceptive techniques, with the objective to or the effect of materially distorting a person's or a group of persons' behaviour by appreciably impairing the person's ability to make an informed decision, thereby causing the person to take a decision that that person would not have otherwise taken in a manner that causes or is likely to cause that person, another person or group of persons significant harm; (b) the placing on the market, putting into service or use of an AI system that exploits any	1. Запрещаются следующие виды деятельности в области искусственного интеллекта: (a) размещение на рынке, ввод в эксплуатацию или использование системы искусственного интеллекта, которая использует подсознательные методы за пределами сознания человека, или целенаправленно манипулятивные, или вводящие в заблуждение методы с целью или результатом существенного искажения личности или группы лиц, поведение, которое существенно ухудшает способность человека принимать осознанное решение, тем самым заставляя человека принять решение, которое в противном случае он не принял бы, таким образом, который причиняет или может причинить этому лицу, другому лицу или группе лиц значительный вред; (b) размещение на рынке, ввод в эксплуатацию или использование системы искусственного

	of the vulnerabilities of a person or a specific group of persons due to their age, disability or a specific social or economic situation, with the objective to or the effect of materially distorting the behaviour of that person or a person pertaining to that group in a manner that causes or is reasonably likely to cause that person or another person significant harm; (ba) the placing on the market or putting into service for this specific purpose, or use of biometric categorisation systems that categorise individually natural persons based on their biometric data to deduce or infer their race, political opinions, trade union membership, religious or philosophical beliefs, sex life or sexual orientation. This prohibition does not cover any labelling or filtering of lawfully acquired biometric datasets, such as images, based on biometric data or categorizing of biometric data in the area of law enforcement;	интеллекта, которая использует любую уязвимость человека или конкретной группы людей из-за их возраста, инвалидности или конкретной социальной или экономической ситуации, с целью или последствием существенного искажения поведения этого лица или лица, относящегося к этой группе, таким образом, что это причиняет или с достаточной вероятностью может причинить этому или другому лицу значительный вред; (ba) размещение на рынке, или ввод в эксплуатацию для этой конкретной цели, или использование систем биометрической категоризации, которые классифицируют отдельных физических лиц на основе их биометрических данных, чтобы сделать вывод об их расе, политических взглядах, членстве в профсоюзе, религиозных или философских взглядах, убеждениях, сексуальной жизни или сексуальной ориентации. Этот запрет не распространяется на маркировку или фильтрацию законно полученных наборов биометрических данных, таких как
--	---	---

	(c) the placing on the market, putting into service or use of AI systems for the evaluation or classification of natural persons or groups thereof over a certain period of time based on their social behaviour or known, inferred or predicted personal or personality characteristics, with the social score leading to either or both of the following: (i) detrimental or unfavourable treatment of certain natural persons or whole groups thereof in social contexts that are unrelated to the contexts in which the data was originally generated or collected; (ii) detrimental or unfavourable treatment of certain natural persons or groups thereof that is unjustified or disproportionate to their social behaviour or its gravity;	изображения на основе биометрических данных или категоризацию биометрических данных в правоохранительной сфере; (с) размещение на рынке, ввод в эксплуатацию или использование систем искусственного интеллекта для оценки или классификации физических лиц или их групп в течение определенного периода времени на основе их социального поведения или известных, предполагаемых или прогнозируемых личных или личностных характеристик, социальный рейтинг, приводящий к одному или обоим из следующих событий: (i) вредное или неблагоприятное обращение с определенными физическими лицами или целыми их группами в социальных контекстах, не связанных с контекстами, в которых данные были первоначально созданы или собраны; (ii) вредное или неблагоприятное обращение с определенными физическими лицами или их группами, которое является неоправданным или несоразмерным их социальному поведению или его серьезности;
--	--	---

	(d) the use of 'real-time' remote biometric identification systems in publicly accessible spaces for the purpose of law enforcement unless and in as far as such use is strictly necessary for one of the following objectives: (i) the targeted search for specific victims of abduction, trafficking in human beings and sexual exploitation of human beings as well as search for missing persons; (ii) the prevention of a specific, substantial and imminent threat to the life or physical safety of natural persons or a genuine and present or genuine and foreseeable threat of a terrorist attack; (iii) the localisation or identification of a person suspected of having committed a criminal offence, for the purposes of conducting a criminal investigation, prosecution or executing a criminal penalty for offences, referred to in Annex IIa and punishable in the Member	(d) использование систем удаленной биометрической идентификации «в реальном времени» в общедоступных местах в целях обеспечения правопорядка, за исключением случаев и в той степени, в которой такое использование строго необходимо для одной из следующих целей: (i) целенаправленный поиск конкретных жертв похищений, торговли людьми и сексуальной эксплуатации людей, а также поиск пропавших без вести лиц; (ii) предотвращение конкретной, существенной и непосредственной угрозы жизни или физической безопасности физических лиц или реальной и настоящей или реальной и предсказуемой угрозы террористического нападения; (iii) локализация или идентификация лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления, в целях проведения, судебного преследования или исполнения уголовного наказания за преступления, указанные в Приложении IIa и наказуемые
--	--	---

	State concerned by a custodial sentence or a detention order for a maximum period of at least four years. This paragraph is without prejudice to the provisions in Article 9 of the GDPR for the processing of biometric data for purposes other than law enforcement; (da) the placing on the market, putting into service for this specific purpose, or use of an AI system for making risk assessments of natural persons in order to assess or predict the risk of a natural person to commit a criminal offence, based solely on the profiling of a natural person or on assessing their personality traits and characteristics; This prohibition shall not apply to AI systems used to support the human assessment of the involvement of a person in a criminal activity, which is already based on objective and verifiable facts directly linked to a criminal activity;	в соответствующем государстве – члене ЕС лишением свободы или постановлением о заключении под стражу на срок не менее четырех лет. Этот параграф не наносит ущерба положениям статьи 9 GDPR, касающимся обработки биометрических данных в целях, отличных от правоохранительных; (da) размещение на рынке, ввод в эксплуатацию для этой конкретной цели или использование системы искусственного интеллекта для оценки риска физических лиц с целью оценки или прогнозирования риска совершения физическим лицом уголовного преступления, основанного исключительно на профилировании физического лица или оценке его личностных качеств и характеристик; этот запрет не распространяется на системы искусственного интеллекта, используемые для поддержки человеческой оценки участия человека в преступной деятельности, которая уже основана на объективных и поддающихся проверке фактах, непосредственно связанных с преступной деятельностью;
--	--	--

	(db) the placing on the market, putting into service for this specific purpose, or use of AI systems that create or expand facial recognition databases through the untargeted scraping of facial images from the internet or CCTV footage; (dc) the placing on the market, putting into service for this specific purpose, or use of AI systems to infer emotions of a natural person in the areas of workplace and education institutions except in cases where the use of the AI system is intended to be put in place or into the market for medical or safety reasons	(db) размещение на рынке, ввод в эксплуатацию для этой конкретной цели или использование систем искусственного интеллекта, которые создают или расширяют базы данных распознавания лиц посредством нецелевого извлечения изображений лиц из Интернета или записей с камер видеонаблюдения; (dc) размещение на рынке, ввод в эксплуатацию для этой конкретной цели или использование систем ИИ для определения эмоций физического лица на рабочих местах и в учебных заведениях, за исключением случаев, когда использование системы ИИ предназначено для размещения или вывода на рынок по медицинским соображениям или соображениям безопасности
Title IV: Transparency Obligations for Providers and Deployers of Certain AI Systems and GPAI Models Article 52: Transparency Obligations for Providers and Users of Certain AI Systems and GPAI Models	1. Providers shall ensure that AI systems intended to directly interact with natural persons are designed and developed in such a way that the concerned natural persons are informed that they are interacting with an AI system, unless this is obvious from the point of view of a natural person who is	1. Поставщики должны гарантировать, что системы ИИ, предназначенные для непосредственного взаимодействия с физическими лицами, спроектированы и разработаны таким образом, чтобы заинтересованные физические лица были проинформированы о том, что они взаимодействуют с системой ИИ, за

Раздел IV: Обязательства по обеспечению прозрачности для поставщиков и разработчиков определенных систем искусственного интеллекта и моделей GPAI. Статья 52: Обязательства по обеспечению прозрачности для поставщиков и пользователей определенных систем искусственного интеллекта и моделей GPAI	reasonably well-informed, observant and circumspect, taking into account the circumstances and the context of use. This obligation shall not apply to AI systems authorised by law to detect, prevent, investigate and prosecute criminal offences, subject to appropriate safeguards for the rights and freedoms of third parties unless those systems are available for the public to report a criminal offence.	исключением случаев, когда это не очевидно с точки зрения физического лица, которое достаточно хорошо информировано, наблюдательно и осмотрительно с учетом обстоятельств и контекста использования. Это обязательство не распространяется на системы искусственного интеллекта, уполномоченные законом обнаруживать, предотвращать, расследовать уголовные преступления и преследовать их по суду, при условии соблюдения соответствующих гарантий прав и свобод третьих лиц, за исключением случаев, когда эти системы доступны для общест-венности для сообщения об уголовных преступлениях.
	1a. Providers of AI systems, including GPAI systems, generating synthetic audio, image, video or text content, shall ensure the outputs of the AI system are marked in a machine-readable format and detectable as artificially generated or manipulated. Providers shall ensure their technical solutions are effective,	1a. Поставщики систем искусственного интеллекта, включая системы GPAI, генерирующие синтетические аудио, изображения, видео или текстовый контент, должны гарантировать, что выходные данные системы искусственного интеллекта маркируются в машиночитаемом формате и могут быть обнаружены как искусственно

	interoperable, robust and reliable as far as this is technically feasible, taking into account specificities and limitations of different types of content, costs of implementation and the generally acknowledged state-of-the-art, as may be reflected in relevant technical standards. This obligation shall not apply to the extent the AI systems perform an assistive function for standard editing or do not substantially alter the input data provided by the deployer or the semantics thereof, or where authorised by law to detect, prevent, investigate and prosecute criminal offences. 2. Deployers of an emotion recognition system or a biometric categorisation system shall inform of the operation of the system the natural	созданные или обработанные. Поставщики должны гарантировать, что их технические решения являются эффективными, совместимыми, устойчивыми и надежными, насколько это технически осуществимо, принимая во внимание особенности и ограничения различных типов контента, затраты на внедрение и общепризнанный уровень развития техники, как могут быть отражены в соответствующих технических стандартах. Это обязательство не применяется в той степени, в которой системы искусственного интеллекта выполняют вспомогательную функцию для стандартного редактирования или существенно не изменяют входные данные, предоставленные пользователем, или их семантику, или в тех случаях, когда это разрешено законом для обнаружения, предотвращения, расследования и преследования уголовных преступлений. 2. Разработчики системы распознавания эмоций или системы биометрической категоризации должны информировать о
--	--	--

	persons exposed thereto and process the personal data in accordance with Regulation (EU) 2016/679, Regulation (EU) 2016/1725 and Directive (EU) 2016/280, as applicable. This obligation shall not apply to AI systems used for biometric categorization and emotion recognition, which are permitted by law to detect, prevent and investigate criminal offences, subject to appropriate safeguards for the rights and freedoms of third parties, and in compliance with Union law.	работе системы физических лиц, подвергаясь ее воздействию, и обрабатывать персональные данные в соответствии с Регламентом (ЕС) 2016/679, Регламентом (ЕС) 2016/1725 и Директивой (ЕС) 2016/280, если применимо. Это обязательство не распространяется на системы искусственного интеллекта, используемые для биометрической категоризации и распознавания эмоций, которым по закону разрешено обнаруживать, предотвращать и расследовать уголовные преступления, при условии соответствующих гарантий прав и свобод третьих лиц и в соответствии с законодательством Союза.
	3. Deployers of an AI system that generates or manipulates image, audio or video content constituting a deep fake, shall disclose that the content has been artificially generated or manipulated. This obligation shall not apply where the use is authorised by law to detect, prevent, investigate and prosecute criminal offence. Where the	3. Разработчики системы искусственного интеллекта, которая генерирует или манипулирует изображением, аудио- или видеоконтентом, представляющим собой дипфейк, должны раскрыть, что контент был создан искусственно или им манипулировали. Это обязательство не применяется, если использование разрешено законом для обнаружения, предотвращения,

	content forms part of an evidently artistic, creative, satirical, fictional analogous work or programme, the transparency obligations set out in this paragraph are limited to disclosure of the existence of such generated or manipulated content in an appropriate manner that does not hamper the display or enjoyment of the work. Deployers of an AI system that generates or manipulates text which is published with the purpose of informing the public on matters of public interest shall disclose that the text has been artificially generated or manipulated. This obligation shall not apply where the use is authorised by law to detect, prevent, investigate and prosecute criminal offences or where the AI-generated content has undergone a process of human review or editorial control and where a natural or legal person holds editorial responsibility for the publication of the content.	расследования и преследования уголовных преступлений. Если контент является частью явно художественного, творческого, сатирического, вымышленного аналогичного произведения или программы, обязательства по прозрачности, изложенные в настоящем параграфе, ограничиваются раскрытием существования такого созданного или обработанного контента соответствующим образом, который не препятствует демонстрации или получению удовольствия от работы. Разработчики системы искусственного интеллекта, которая генерирует или манипулирует текстом, публикуемым с целью информирования общественности по вопросам, представляющим общественный интерес, должны раскрывать информацию о том, что текст был создан искусственно или им манипулировали. Это обязательство не применяется, если использование разрешено законом для обнаружения, предотвращения, расследования и преследования уголовных преступлений или если кон-
--	---	--

		тент, созданный с помощью ИИ, прошел процесс проверки человеком или редакционного контроля и когда физическое или юридическое лицо несет редакционную ответственность за публикацию контента
Title IX: Codes of Conduct Article 69: Codes of Conduct for Voluntary Application of Specific Requirements Раздел IX: Кодексы поведения Статья 69: Кодексы поведения для добровольного применения особых требований	1. The AI Office, and the Member States shall encourage and facilitate the drawing up of codes of conduct, including related governance mechanisms, intended to foster the voluntary application to AI systems other than high-risk AI systems of some or all of the requirements set out in Title III, Chapter 2 of this Regulation taking into account the available technical solutions and industry best practices allowing for the application of such requirements. 2. The AI Office and the Member States shall facilitate the drawing up of codes of conduct concerning the voluntary application, including by deployers, of specific requirements to all AI systems, on the basis of clear objectives and key performance	1. Управление ИИ и государства-члены должны поощрять и облегчать разработку кодексов поведения, включая соответствующие механизмы управления, призванные способствовать добровольному применению к системам ИИ, отличным от систем ИИ высокого риска, некоторых или всех требований, установленных в гл. 2 разд. III настоящего Регламента, с учетом имеющихся технических решений и передовой отраслевой практики, позволяющих применять такие требования. 2. Управление ИИ и государства-члены должны способствовать разработке кодексов поведения, касающихся добровольного применения в том числе разворачивающими организациями конкретных требований ко всем системам ИИ, на основе четких целей и

	indicators to measure the achievement of those objectives, including elements such as, but not limited to: (a) applicable elements foreseen in European ethic guidelines for trustworthy AI; (b) assessing and minimizing the impact of AI systems on environmental sustainability, including as regards energy-efficient programming and techniques for efficient design, training and use of AI; (c) promoting AI literacy, in particular of persons dealing with the development, operation and use of AI; (d) facilitating an inclusive and diverse design of AI systems, including through the establishment of inclusive and diverse development teams and the promotion of stakeholders' participation in that process; (e) assessing and preventing the negative impact of AI systems on vulnerable persons or	ключевых показателей эффективности для измерения достижения этих целей, включая такие элементы, как, помимо прочего: (a) применимые элементы, предусмотренные европейскими этическими принципами для заслуживающего доверия ИИ; (b) оценка и минимизация воздействия систем ИИ на экологическую устойчивость, в том числе в отношении энергоэффективных программ и методов эффективного проектирования, обучения и использования ИИ; (c) повышение грамотности в области ИИ, в частности среди лиц, занимающихся разработкой, эксплуатацией и использованием ИИ; (d) содействие инклюзивному и разнообразному проектированию систем ИИ, в том числе посредством создания инклюзивных и разнообразных команд разработчиков и поощрения участия заинтересованных сторон в этом процессе; (e) оценка и предотвращение негативного воздействия систем ИИ на уязвимых лиц или группы
--	--	---

	groups of persons, including as regards accessibility for persons with a disability, as well as on gender equality. 3. Codes of conduct may be drawn up by individual providers or deployers of AI systems or by organisations representing them or by both, including with the involvement of deployers and any interested stakeholders and their representative organisations, including civil society organisations and academia. Codes of conduct may cover one or more AI systems taking into account the similarity of the intended purpose of the relevant systems. 4. The AI Office, and the Member States shall take into account the specific interests and needs of SMEs, including start-ups, when encouraging and facilitating the drawing up of codes of conduct.	лиц, в том числе в отношении доступности для людей с ограниченными возможностями, а также на гендерное равенство. 3. Кодексы поведения могут разрабатываться отдельными поставщиками или пользователями систем искусственного интеллекта или организациями, представляющими их, или ими обоими, в том числе с привлечением разработчиков и любых заинтересованных сторон и представляющих их организаций, включая организации гражданского общества и научные круги. Кодексы поведения могут охватывать одну или несколько систем ИИ с учетом схожести целевого назначения соответствующих систем. 4. Управление AI и государства-члены должны учитывать особые интересы и потребности МСП, включая стартапы, при поощрении и облегчении разработки кодексов поведения
--	--	---

Научное издание

Колобов Роман Юрьевич
Тирских Максим Геннадьевич
Хертуев Роман Юрьевич

ПРАВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

ISBN 978-5-9624-2254-1

Печатается в авторской редакции
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Подписано в печать 03.04.2024. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 5,7. Усл. печ. л. 6,3. Тираж 100 экз. Заказ 39

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124